

Областное государственное бюджетное учреждение
дополнительного профессионального образования
«Рязанский институт развития образования»

Материалы и исследования по рязанскому краеведению

Том 86

Т.П.Федичкина

Записки земского врача П.М. Виноградова

Рязань 2023

ББК 63.3
М34

Редакционная коллегия:
Ю.Ю. Гордова, В.П. Нагорнов, О.В. Романов,
И.Ж. Рындин, С.В. Филимонов, Ю.В. Шильцова

Материалы и исследования по рязанскому краеведению : сб. научных работ / Обл. гос. бюджет. учр-е доп. профессион. образ-я «Ряз. ин-т развития образования». – Рязань, 2023. – Т. 86. – Записки земского врача П.М. Виноградова. 98 с. – ISBN 978-5-7943-0579-1.

В сборнике впервые публикуются материалы о жизни и деятельности земского врача Павла Михайловича Виноградова. В конце XIX – начале XX века он работал в Ухоловской больнице Рязского уезда Рязанской губернии. Вниманию читателя представлены его собственные записки, озаглавленные «Рассказ врача о своей службе в Рязском земстве», а также воспоминания родственников и современников о нем. Книга иллюстрирована уникальными фотографиями более чем столетней давности, которые бережно сохранялись в семейном архиве Виноградовых и никогда не публиковались. Материалы подготовила к публикации правнучка Павла Михайловича, врач эпидемиолог, кандидат медицинских наук Татьяна Павловна Федичкина. Издание предназначено для широкого круга читателей, интересующихся краеведческими и медицинскими аспектами истории родного края и своей семьи.

Автор приносит искреннюю благодарность Алевтине Владимировне Тарасовой за помощь в подготовке материалов к публикации.

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
Рязанского института развития образования.*

Рецензенты: *Хвостов А.И.*, кандидат исторических наук, доцент;
Акульшин П.В., доктор истор. наук, профессор, зав. каф.
истории и философии Рязанского государственного
медицинского университета.

ББК 63.3 **М34**

ISBN 978-5-7943-0579-1

© Т.П. Федичкина, 2023

© Оформление. Областное государственное
бюджетное учреждение дополнительного
профессионального образования «Рязанский
институт развития образования», 2023

Во служении людям

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие.....	4
Жизненный путь доктора П.М. Виноградова.....	6
П.М. Виноградов «Рассказ врача о своей службе в Ряжском земстве»	11
Воспоминания Т.П. Виноградской об отце.....	81
В. Окаёмов «Очерки истории села Ухолово».....	91
Послесловие.....	94
Источники.....	98

ПРЕДИСЛОВИЕ

В архиве потомственных представителей семьи Виноградовых сохранилась рукопись нашего прадеда земского врача Павла Михайловича Виноградова, видного деятеля медицины рязанского края, датированная 1908-м годом. До сей поры рукопись не была опубликована. На наш взгляд она представляет интерес не только для нас, его потомков, но и для тех, кто интересуется историей своего края, историей бытования нравов того времени в земских больницах, а также историей медицины.

Рис.1 П.М.Виноградов

В представленных читателю записках врача Виноградова отражена работа в Ухоловской земской больнице, где у него произошел административный конфликт с местными властями, Рязской земской управой, устроившей настоящую травлю сельского доктора. А причиной случившегося стало заступничество за коллегу, земского врача, которого незаконно уволили с работы, взяв на его место родственника начальника управы. Сложную ситуацию, в которой оказался прадед, усугубил и арест его старшего сына Алексея, который состоял в партии эсеров, активно участвовал в революционных событиях 1905 года в Москве, был арестован и сослан на каторгу. В доме Виноградовых проходили неоднократные обыски, которые сказывались на репутации доктора. Гонения на него достигли такого уровня, что из больницы вынуждены были уволиться все сотрудники, так как земская Управа прекратила выдавать деньги на зарплату персоналу. Об этом и о многом другом пишет в своих воспоминаниях земский врач.

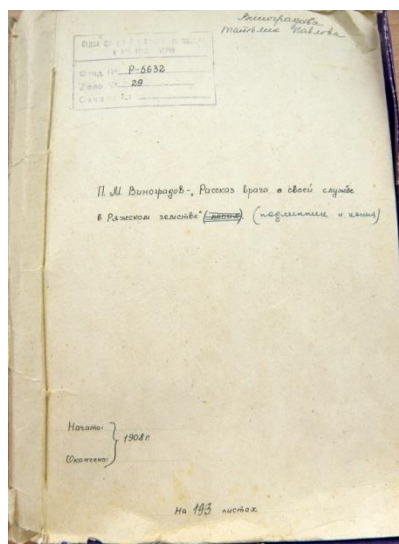

Рис. 2 Оригинал титульного листа рукописи П.М.Виноградова
«Рассказ врача о своей службе в Рязском земстве»
ГАРО (личный фонд № Р-5632 дело №29)

Мы старались сохранить стилистику и язык автора, который по-своему погружает читателя в атмосферу того времени, подчеркивает детали происходящего. Каток бюрократической машин был настолько силен, а бороться с ним приходилось в полном одиночестве, что выплеснуть всё накипевшее на душе оставалось только на бумаге. Мы не знаем, обращался ли к кому-то Павел Михайлович за помощью? Будучи действительным членом «Общества рязанских врачей» с 1908 по 1914 год, искал ли он защиты в профессиональном сообществе? В записках об этом не сказано. Но борьбу, которую он вел с властью, выдержать не всякому под силу. Сто двадцать лет минуло со времени тех событий, но не меняются отношения между людьми. Читаешь о прошлом, а видишь день сегодняшний.

Жизненный путь доктора Виноградова

Рис. 3
Протоиерей
М.А. Виноградов

Павел Михайлович Виноградов родился в 1855 году в Рязани в семье священника протоиерея Михаила Виноградова, известного композитора духовной музыки, регента архиерейского хора, настоятеля Екатерининской церкви города Рязани. В семье было пятеро детей: старшие сыновья Александр и Василий - священнослужители, дочери Ольга Райнова и Мария Толерова были замужем за рязанскими священниками. Павел, единственный в семье, избрал светскую карьеру и после окончания общеобразовательного курса в Рязанской духовной семинарии в 1875 году поступил на медицинский факультет Императорского Московского университета (ИМУ).

В те годы воспитанники семинарии могли поступать в высшие светские учебные заведения с разрешения высшего и местного начальства. Желающих поступить в университет всегда было много, несмотря на то, что они, бывшие семинаристы, лишались казенного содержания. Обычно пойти в университет изъявляли желание лучшие ученики, которых в семинарии никогда не было недостатка. Кандидаты на поступление в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет должны были иметь крепкое здоровье и основательно знать русский язык; уметь по латыни письменно излагать свои мысли; знать такие предметы, как логика, арифметика, физика, основы геометрии, география и история.

Рис. 4
П.М. Виноградов Студент
ИМУ

6

В 1881 году Павел Михайлович Виноградов окончил медицинский факультет ИМУ, получил диплом и звание лекаря.

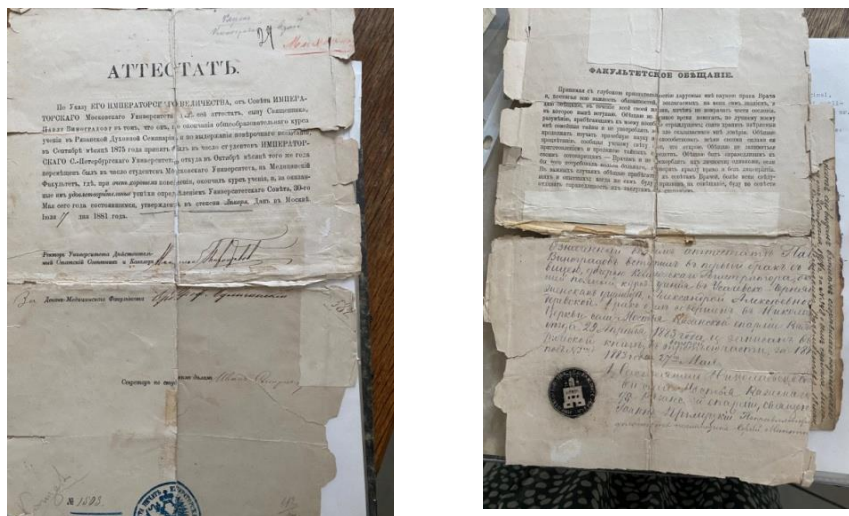

Рис. 5-6. Диплом П.М. Виноградова об окончании ИМУ

Рис. 7. Павел Михайлович и Александра Алексеевна Виноградовы

Врачебную деятельность начал в селе Тума Кашировского уезда Рязанской губернии. Женившись в 1883 году, он поселился в селе Мостье Ряжского уезда в усадьбе родителей жены, потомственной дворянки Александры Алексеевны Вердеревской. О том, где работал он в то время, нам установить не удалось. В воспоминаниях младшей дочери Татьяны указано: «В письме моей матери от 1889 года упоминается о том, что Павел Михайлович был отправлен земской управой в какой-то пункт вне Мостья, и они виделись, приезжая в Рязань: он – с места службы, она из деревни».

С 1896 года П.М.Виноградов приступил к обязанностям земского врача в Ухоловском амбулаторном пункте Ряжского уезда Рязанской губернии. Из формулярного списка о службе в Ряжском земстве на ноябрь 1898 года: «Лекарь Павел Михайлович Виноградов, 43 лет от роду, вероисповедания православного, содержание получает от земства. Из духовного звания. По окончании курса медицинских наук Императорского Московского университета утвер-

жден в звании врача. Приказом по Министерству Внутренних дел определен земским врачом Ряжского уезда Рязанской губернии с правами государственной службы, избран земским гласным».

В 1898 году Ряжское земское собрание решило организовать постоянное специально-глазное лечение и командировало П.М. Виноградова на учебный год в Москву в клинику профессора А.А.Крюкова в ИМУ¹ для изучения глазных болезней. Практическая деятельность в качестве глазного врача началась с 1899 года в открытой Ряжским земством глазной лечебнице на семь коек. Кроме обязанностей амбулаторного участкового врача села Ухолова на него было возложено амбулаторное и стационарное глазное лечение больных всего Ряжского уезда.

Помимо основной врачебной работы П.М.Виноградов вел большую общественную деятельность в Рязани и в Ряжском уезде. С 1898 года он - член Ряжской уездной земской управы. Титулярный советник; коллежский асессор; почетный мировой судья Ряжского уездного съезда; член совета и секретарь Ряжского общества сельского хозяйства. В 1898, 1900, 1905 и 1907 годах был депутатом дворянского собрания и председателем дворянской опеки от Ряжского уезда. Павел Михайлович Виноградов с женой и детьми в 1888 году был внесен в третью часть Дворянской родословной книги. П.М.Виноградов, как и многие видные деятели медицины рязанского края, являлся действительным членом Общества Рязанских врачей в 1908-1914 годах и принимал активное участие в его работе [1].

В семье врача Виноградова воспитывалось семеро детей. Пятеро из них пошли по стопам отца и избрали медицину делом своей жизни. Старший, Алексей, стал студентом медицинского факультета ИМУ, участвовал в восстании

¹ А. А. Крюков (1849 - 1908) — русский врач, окулист. С 1895 профессор Крюков директор клиники глазных болезней при Московском университете, он был известен как отличный практик: лечебница глазных болезней, пользовалась в своё время широкой известностью. Особенно значительный вклад внес Крюков в изучение глаукомы. С 1899 Крюков возглавлял Общество глазных врачей Москвы. – прим.Т.Ф.

1905 года, был сослан на каторгу и умер в Бутырской тюрьме в 1916 году. Сергей был студентом Петровской (Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Наталья преподавала историю и литературу в одной из гимназий города Рязани. Екатерина, фельдшер, окончила медицинское отделение Высших женских курсов в Москве. Михаил, Елена и Татьяна окончили медицинский факультет ИМУ и работали врачами.

К слову сказать, П.М. Виноградов стал родоначальником врачебной династии на долгие десятилетия. К 2023 году из рода Виноградовых вышло 26 врачей разных специальностей, живших и живущих в разных городах России, мира.

В 1910 году Павел Михайлович переехал в Рязань и работал врачом в лечебнице доктора Правдолюбова (ул. Полонского,13).

Рис. 8 Врач окулист П.М.Виноградов г.Рязань, 1910 год

Рис. 9 П.М.Виноградов в белом халате, г.Рязань, 1915 год

В справочных документах города Рязани тех лет есть объявления о том, что в 1911 году Павел Михайлович как практикующий врач принимает по адресу: улица Введенская, дом Красного Креста. В 1912–1914 годах как практикующий глазной врач принимает по адресу: улица Астраханская, дом Сальникова. Лучшей характеристикой врачебной деятельности доктора Виноградова служат слова московского профессора-окулиста, когда тот видел больного, приехавшего из Рязани: «Зачем же вы приехали в Москву, когда у вас в Рязани есть пре-

красный врач Виноградов!» - цитата из письма его племянника, протоиерея Александра Александровича Виноградова.

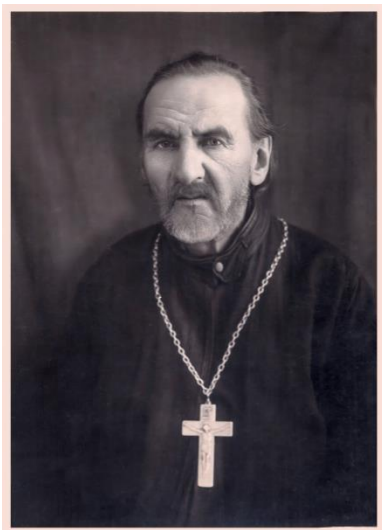

Рис.10 Протоиерей Александр Виноградов, племянник

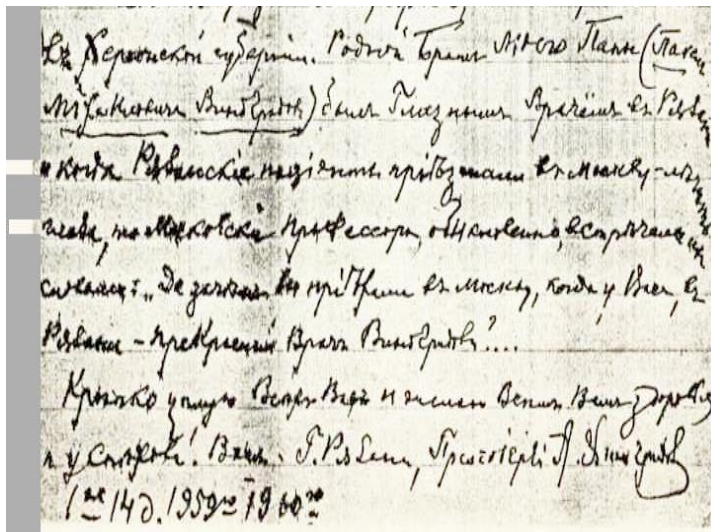

Рис.11 Фрагмент из письма

Летом 1918 года П.М. Виноградов уехал к сыну Михаилу, который, будучи студентом-медиком, работал в больнице в селе Спасский Затон под Казанью. Там Павел Михайлович и скончался осенью 1919 года в возрасте 63 лет при явлениях сердечной декомпенсации: войдя утром, сын застал его мертвым. Место захоронения, к сожалению, не сохранилось, т.к. в 1954 году село Спасский Затон попало в зону затопления водохранилища после ввода в эксплуатацию Куйбышевской ГЭС.

Татьяна Федичкина – правнучка П.М.Виноградова

ПАВЕЛ МИХАЙЛОВИЧ ВИНОГРАДОВ

РАССКАЗ ВРАЧА О СВОЕЙ СЛУЖБЕ В РЯЖСКОМ ЗЕМСТВЕ

Рис. 12 П.М.Виноградов – основатель Ухоловской больницы 1896 год

Имя художника и дата создания портрета неизвестны

«Иди к униженным,
иди к обиженным
и будь им другом».

Н.Некрасов

Шёл 1907 год. 27 сентября. Заседание Ряжского земского Собрания подходило к концу, когда я, только что прибывший в Ряжск, появился в зале. Почему-то пригласили именно к этому времени для зачитания мне приговора по заявлению председателя Управы, с которым у меня затягивался конфликт. Нужно сказать следующее. Свое заявление председатель внёс в мое отсутствие. Постановление санитарного Совета, на котором он основывался, было принято также в мое отсутствие. Здесь я только впервые о нём узнал. Как член санитарного Совета я должен был получить повестку-приглашение на его заседание.

Повестку я не получил. Я должен был получить копию протокола того заседания. Копию я тоже не получил. Я должен был получить хотя бы копию постановления. И его не вручили. Уверен, прими я участие в том заседании санитарного Совета, не было бы никакого разбирательства и приговора.

Председатель земской Управы заявил, что мною не доставляется денежная отчётность за весь 1906 год и за первые 6 месяцев 1907 года, несмотря на все требования Управы. Меня обвиняли в халатности.

Всё это – вопросы моей служебной репутации, а некоторые из них – вопросы моей чести. 24 года живу я в здешних местах. 12 лет состою врачом на службе Ряжского Земства. Я не знаю за собой ничего, что пятнало бы меня.

Ряжское земское Собрание не единожды благодарило меня за мою врачебную деятельность. Форма, в которой выражена была благодарность, говорила мне о полной искренности, и в ней я видел действительное признание пользы, приносимой мною населению. А жить с пользой для других, а ещё более жить только для пользы других – ведь сознание этого имеет высокое моральное значение. В горькие минуты жизни оно пригреет тебя и не отдаст отчаянию. Оно всегда будет говорить тебе, что в жизни твоей есть цель и смысл. Кроме того, благодарность эта служила мне нравственной поддержкой в тяжелом труде. Как будто легче становился он, и бодрее шел я дальше. И это, естественно, вызывало большую продуктивность. А, следовательно, давало большую пользу людям. Что же случилось?...

Начало

С 1884 года живу я в здешних местах и 12 лет из них состою врачом на службе Ряжского земства в Ухоловском амбулаторном пункте. Первые два года оставили тяжелый след в моей памяти: прием 60-100 человек за несколько часов, диагноз на расстоянии, шаблонное лечение. Эпидемия в деревне: приезжаешь туда – целыми семьями лежат. Для вида, для формы беглый обход изб, где больные. Подходишь к ним, в глазах каждого надежда на помощь, вера в

тебя. Две-три минуты, два-три слова... порошки... капли... Скорее дальше. Другая, третья изба – и в них то же самое. Ещё ряд изб – и там то же. И всё так же смотрят на тебя эти глаза с надеждой и верой. И как живые укоры совести идут с тобой из дома в дом. Кончен обход. Ямщик подал. На звяканье колокольчика собираются у крыльца 5-10 человек: "Спасибо тебе, кормилец, дай Бог!». И больно бьют эти слова. И торопишь ямщика скорее уехать. На другой день отправляешь бумагу с обычным «имею честь сообщить», «больным оказано медицинское пособие», «приняты меры». Какие меры? Какое пособие? Какая честь? Но вот опять эпидемия. Те же картины. Опять «меры, пособия, честь». И за всё время службы выезды на эпидемии были одинаково тяжелы мне.

А приёмы амбулаторных больных не тяжелы? Дают ли они отрадное осознание продуктивности работы? Полтора - два десятка больных ещё отпустит врач добросовестно со свежей головой, с искренним желанием быть им полезным. А потом всё гуще туман в голове, становишься машиной, автоматом. Понимаешь, что скверно делаешь, но сознаёшь, что нельзя делать не скверно. И вертишься в этом амбулаторном колесе. Такая деятельность продолжалась для меня два года.

В 1898 году Ряжское земское Собрание² решило организовать постоянное специально-глазное лечение и командировало меня на учебный год в Москву для изучения глазных болезней к профессору Крюкову. Приняв командировку, я старался выполнить её насколько мог добросовестно. Добавочная практическая деятельность в течение двух месяцев в глазном отряде при громадном материале закончила подготовку к самостоятельной работе. Началась она с 15 июля 1899 года в открытой и порученной мне Ряжским земством глазной лечебнице на семь коек.

Характер моей деятельности значительно менялся. Я понимал, сколько пользы можно теперь принести населению, если захочешь работать. Предо

² Жители уезда, имеющие имущественное право, избирали из своей среды на три года представителей - «гласных» в уездное земское Собрание, представительный орган в царской России. Это Собрание собиралось ежегодно на короткий срок для руководства хозяйственными делами уезда. Уездное земское Собрание избирало из своей среды уездную земскую Управу, состоящую из председателя и двух членов. Управа-местная исполнительная власть была постоянным учреждением. – прим.Т.Ф.

мною открывалась широкая перспектива, начиналось живое дело. Завянет оно, не расцветши, или даст сильный рост, пышный расцвет? Я глубоко верил в последнее и весь отдался живому делу. На своих руках вынянчил его, ходил за ним, воспитывал, растил. И оно крепло, развивалось и прочно установилось в доверии населения.

О быстро прогрессирувавшем росте глазной лечебницы свидетельствуют цифры годовых отчетов. Вот что говорят эти цифры.

Годы	1899	1900	1901	1902	1903	1904	1905	1906
Число посещений глазных больных	427	1259	2538	4122	7004	9935	11337	11759
Число глазных операций и оперативных пособий	47	114	180	167	138	172	211	280

Я не могу дать параллельные цифры той затраты труда, которая требовалась в связи с приведёнными данными посещениями больных и операций. Не могу утверждать, что такой труд для врача (беру средний 1903 год) можно считать совершенно достаточным, и не надо идти дальше в предъявлении к нему требований, чтобы не перейти грань, за которой уже начинается эксплуатация труда.

В Ряжском земстве обязанности каждого амбулаторного участкового врача одинаковы. Я исполнял их до 1899 года. Со второй половины того же года на меня кроме них возложили амбулаторное и больничное специально-глазное лечение нуждающихся всего уезда. Это последнее требование затраты труда оказалось гораздо больше, чем все остальные обязанности, вместе взятые, которые исполнялись мною ранее. Если прежние нагрузки выразить в 10%, то глазное лечение должно было быть выражено 90%. Хотя жалованье я получал такое же, как и другие участковые врачи. Земство ассигновало на командировку врача для изучения глазной специальности 600 рублей. Сопоставляя эту сумму в 600 рублей с периодом времени от 15 июля 1899 года по 1 января 1907 года, узнаем стоимость для Ряжского земства за означенный период времени глазного врача. Выходит, что я как глазной врач обходился земству по 6 рублей 23 коп. в месяц, да притом на своих харчах, с полным погашением суммы, затраченной на командировку.

Для исполнения обязанностей и участкового врача, и специально-глазного понадобился с самого начала напряженный труд. Степень этого напряжения все более и более усиливалась в зависимости от увеличения запросов на глазную помощь. Удовлетворение этих запросов стало наносить урон общим больным, требования которых в целом ряде случаев оставались неудовлетворенными. Тогда я вместо трёх приёмных дней в неделю, стал принимать больных ежедневно. Равновесие восстановилось, но ненадолго. Пришлось увеличить число приёмных часов и принимать записавшихся не по инструкции, а во всякое время дня до глубокого вечера. Наконец, пришлось отдать больным и часть ночи.

Местные обыватели нередко видели уже далеко за полночь освещенные окна больницы и лошадей с телегами, привязанных к коновязи около её здания. Шестнадцатичасовой рабочий день стал для меня нормой. Являвшиеся с острыми заболеваниями глаз оставались жить в Ухолове на квартирах и два раза в день приходили в больницу для применения лечения (впускания капель, мазей, вибрационного массаж глаза и прочее)³. Усилен был фельдшерский персонал. Но требования всё возрастали. Выполнение их становилось выше сил человека.

Увеличить свою работоспособность, доведённую до высокой степени напряжения, я уже не мог. Я весь отдавался работе. Она доводила меня до изнеможения. Но поначалу я не чувствовал усталости. Парадоксально, а действительно так. Результаты моей глазной деятельности радовали меня. Я сознавал пользу, приносимую мною больным. Немало было случаев, доставлявших мне высокое нравственное удовлетворение. И это вызывало подъем нервной энергии, прилив новых сил.

Не самохвальство, не желание петь себе величальные песни заставляют меня так говорить. Никогда я не сказал бы ничего подобного, если бы не представлялась мне столь близкой перспектива вынужденной ликвидации моей деятельности в Рязском земстве. Только поэтому я сказал то, что сказал. Только

³ Именно в этом несомненные преимущества постоянных глазных пунктов Попечительства о слепых перед его летучими отрядами. Отряды лечат, а постоянные пункты и лечат и предупреждают слепоту.

поэтому скажу то, что даже и теперь так не хотелось бы говорить. Ведь естественно желать, чтобы и после меня мои дела не толковались неправильно, чтобы незнакомые со мной люди узнали бы меня таким, каким являюсь я в действительности, и деятельность мою такой, какой она была.

Во мне, как, вероятно, и во многих других людях, порой поднимались вопросы. Зачем я живу? Какая цель у меня в жизни? Какой её смысл? Поднимались и, уходя без ответа, оставляли в душе след какой-то смутной горечи. Вновь появлялись и опять уходили. Но вот народилось порученное мне живое дело. И всплыли некрасовские поэтические строчки: «Иди к униженным, иди к обиженным и будь им другом».

Таковыми в сфере моей деятельности были больные. И я пошёл к ним, пошёл с искренним желанием быть им другом. Это-то желание и было тем сильным двигателем, благодаря которому я, неся крайне непосильный труд, не чувствовал тяжести его и проявлял выносливость, которая удивляла фельдшеров, моих сослуживцев, нередко работавших со мной до глубокой ночи. Но если случайно требовалась работа глубокой ночью, я один шёл на неё, не тревожа отдых ни фельдшера, ни сиделок.

Укажу два случая. Поздно, совсем к ночи, являются двое больных из Погореловки и из Потёмовщины. Принимаю их. У обоих гнойный процесс роговицы⁴ злокачественного свойства, быстро разрушавший ткань её. Нужно было спешить с операцией. Несколько часов промедления могли разрушить оставшийся участок прозрачной роговицы и окончательно погубить зрение. Ту ночь я провёл в кабинете без фельдшера, без сиделок. Всё сам приготовил к операциям, сам произвел их, уложил подопечных в постели. Первые лучи солнца застали меня за уборкой инструментов⁵.

Другие больные в помещении не были обеспокоены: никто не слышал, что ночью шла работа. В 6 часов утра вернулся я к себе⁶, сел за одну письменную работу, написал и, просматривая, забылся. К действительности меня вернул во-

⁴ Что-то попало в глаз, и бабки вылизывали языком.

⁵ Потому сказал об этом, что кто-то кое-где говорил, что я заставляю фельдшеров работать всю ночь.

⁶ В 7 часов я должен был из-за одного земского дела ехать к земскому начальнику по его вызову.

прос: на каких порциях должны быть оперированные больные? И снова работа. Такова была моя служба. Смотрел я на неё не как на службу, а как на служение и, отдавшись ему, видел в нем и цель, и смысл своей жизни. Являвшиеся прежде тревожные вопросы теперь ушли от меня. «Идеалист»,- говорил мне один местный земский деятель. Может быть да, может быть, и нет. А что могло вызвать такой идеализм? Да не всё ли равно в данном случае? Вопрос не в этом. Вопрос в фактической стороне дела, вне связи с тем или другим причинным моментом.

Я не говорил ещё о той обстановке, в которой шла моя работа, о тех, кто были мне помощниками в ней. Глазная лечебница и общая амбулатория помещались в двух наёмных зданиях. В одном вверху в одной половине была общая амбулатория, и в другой – 4 койки для глазных больных. Внизу – квартира фельдшера. В другом здании вверху – квартира врача, внизу – общая кухня, а за ней комната для 3 - 4 коек глазных больных и для операции. Комната эта была следующих размеров: высота – 3 аршина и 10 вершков, длина и ширина – 7 аршин и 6 аршин. Перегородка, не до потолка, разделяла её на две части: в одной (4 аршина и 6 аршин) лежали больные, в другой (3 аршина и 6 аршин) производились операции, и шла вся работа по подготовке к ним. В ней два шкафа, большой и маленький, операционный стол, стерилизатор, полка для бутылей с растворами.

Грязность помещения еще более усугублялась проходом через кухню родных и близких, приходивших проведать больных, водовозом и проч. Вследствие этого при операциях, а в особенности таких, как, например, удаление катаракты, приходилось быть крайне осмотрительным в соблюдении чистоты и с особенной настойчивостью и строгостью относиться к обеззараживанию всего, что применяется при медицинском вмешательстве непосредственно и что, вообще, относится к нему. Я всегда сам производил подготовку к операциям с помощью фельдшера, глубоко веря в современное учение об асептике и считая эту сторону операции самой важной. Я никогда не буду делать серьёзной операции, если сомневаюсь в добросовестности подготовки к ней (в смысле со-

блюдения требований асептики). Я знаю, как смотрят на этот вопрос учителя мои.

Мой помощник - ротный фельдшер⁷ преподавал мне урок, который я никогда не забуду. Одной старухе я удалил катаракту. По технике выполнения это была одна из лучших моих операций. Наутро совершенно неожиданно пришлось уехать на несколько дней. Перед отъездом сделал перевязку. Вид раны и вообще глазного яблока был очень хороший. После операции катаракты я от восьми до десяти дней всегда сам делал перевязки. Но тут пришлось поручить их фельдшеру. Из поездки я вернулся через четыре дня вечером. Проезжая мимо больницы, остановил ямщика, вышел из саней и подошел к окну, где лежала оперированная. Около неё стоял фельдшер, очевидно начинавший перевязку. Один из лежавших на тарелке кусочков марли он уронил на пол, нагнулся, поднял его, положил опять на тарелку, наклонился к больной. Я поспешил войти и остановил его. Вымывши руки и надевши халат, открываю глаз. Когда, спрашиваю, начался процесс? Из расспросов узнаю, что при второй перевязке глаз был хорош, при третьей «как будто что-то», а потом... Предо мной были начальные явления общего воспаления глаза. С уверенностью можно было сказать о потере не только зрения, но и формы глазного яблока.

К счастью, у меня ни до этого, ни после этого не было ни одного случая такого осложнения. Вот эта-то наличность с одной стороны грязного помещения, с другой грязного помощника - школьного фельдшера⁸ и вызывали необходимость особенной тщательности в подготовке к операциям. А это отнимало массу времени. На приготовление к удалению катаракты затрачивалось 6-8 часов: 4-5 часов накануне операции и 2-3 в день операции. Все эти подготовки приходилось проводить самому. Приведенный случай ясно показывает, мог ли я доверить своему помощнику эту, в высшей степени важную сторону дела. В течение нескольких дней после операции катаракты я ежедневно стерилизовал растворы и перевязочный материал. Это вызывалось загрязненностью помеще-

⁷ Ротный или эскадронный фельдшер готовился для нужд армии. Обучался в гарнизонных госпиталях или в полковых лазаретах «... пусканию крови, перевязке ран, варению клистиров и припарок и употреблению оных». – прим.Т.Ф.

⁸ Школьный фельдшер – выпускник земской фельдшерской школы, как правило, без практики и опыта. – прим.Т.Ф.

ния, наличием многих условий, столь благоприятствовавших внесению в глаз инфекции. Один хирург, бывая у меня и ознакомившись со всеми условиями работы, сказал, что такая обстановка для операций недопустима, что я нравственно обязан отказаться оперировать в ней, и что все неудачи должны лежать на моей совести. Он был прав, но он не знал, что мне приходилось делать, чтобы не обременять свою совесть. И я глубоко убежден, что положительным исходам своих операций в той обстановке я обязан исключительно строжайшему выполнению требований асептики. А чего мне это стоило?! Какой для меня ценной всё достигалось?! В этих вопросах, конечно, никто, кроме меня не знает ответы на них, как никто не знает, насколько глубоки следы, которые оставила во мне деятельность моя в Ряжском земстве, как отразилась на моем организме? Кому это надо?

Кроме загрязненности помещения были другие отрицательные условия, в которых шла моя работа. Особенно выделялось из них одно. Вредно отзывалось оно на моем здоровье, работу делало в высшей степени тяжелой, а иногда буквально невыносимой. Я говорю о той обстановке, в которой шла подготовка к операциям. В маленькой комнатке в 6 аршин и 3 вершка и 3 аршина и 10 вершков, заставленной мебелью, горели три керосинки Гретца⁹ для кипячения ватных шариков, склянок Штрошейна¹⁰, ундинок¹¹, щёток для рук и одна керосинка Гретца для стерилизатора. Он непременно должен был быть здесь, чтобы использовать его пар. Наполняя комнатку, пар осаждал взвешенные в воздухе, частицы всякой пыли, увлекая их вниз. Чтобы лучше уяснить особенное значение в данном случае пара, я добавлю один штрих к картине обстановки. У потолка, главным образом там, где стоял операционный стол, были протянуты полосы коленкора в предупреждение попадания в оперируемый глаз или в стерильный материал сора, пыли, сыпавшихся с потолка. Ведь один этот штрих – картина. Часами шла здесь работа. Духота, жара, бельё становится мокрым, и надо подниматься к себе наверх, чтобы надеть сухое. При подъеме по лестнице холод-

⁹ Старинная керосинка из Германии для кипячения ватных шариков.-прим.Т.Ф.

¹⁰ Склянка с притертыми пипетками для хранения глазных капель.-прим.Т.Ф.

¹¹ Небольшой круглый (чаще всего стеклянный) сосуд, в который помещается раствор для промывания глаз.-прим.Т.Ф.

ный ветер охватывал распаренное тело. Однажды, окончивши одну операцию и начавши другую, я почувствовал себя нехорошо. Закончил с трудом все действия. В теле разбитость, головная боль, небольшой озноб. Поднялся наверх в свою квартиру.

Три дня я пробыл в постели от инфлюэнцы. Меня беспокоила мысль об оперированных, оставшихся за время моей болезни без перевязки и наблюдения. К концу третьих суток температура стала нормальной, и я пошел сделать перевязки. Прежде всего надо было обеззаразить растворы и перевязочный материал. И опять началась работа в сказанной обстановке. Скоро бельё намочило, надо было идти менять его. На лестнице опять охватил сквозняк. Был март месяц. На другой день у меня начался сильный кашель, а через неделю явилось кровохарканье. Я поехал в Москву. Врачи настоятельно советовали мне отправляться в Крым. Вернувшись из Крыма, я опять принялся за работу, за ту самую работу, которая привела меня в Крым.

И для больных, лежавших в палате, сказанная обстановка не проходила бесследно. Влияние её зависело от возраста, времени нахождения в больнице и крепости организма. На молодых, выносливых следов этого влияния не было заметно. На старых, с пониженной жизнедеятельностью, лежавших сравнительно долго, оно сказывалось заметно и в отдельных случаях резко выражалось, вызывая необходимость принятия соответствующих мер. Эти случаи воздушного голодания я хорошо помню. Больные остро нуждались в свежем воздухе. И мы выносили их на улицу, если со стороны организма не было к этому особенных противопоказаний.

На губернском съезде врачей и представителей от земства в заседании по санитарным вопросам инспектор врачебной Управы покойный Ф.Ф. Милеев дал такой отзыв об Ухоловской больнице:

—«По обязанностям своей службы», — сказал он, — «мне пришлось осмотреть много лечебниц и мест тюремного заключения. Ни одна больница своим больным, ни одна тюрьма своим заключенным не давала такого минимума воздуха, как Ухоловская больница лежащим в ней».

В тех отдельных случаях, о которых я говорил, влияние больничной обстановки не ограничивалось лишь острыми проявлениями воздушного голодания, а было более глубоким. Равновесие организма терялось, жизнедеятельность его, еще ранее пониженная, оказывалась несостоятельной сопротивляться воздействию плохих больничных условий. Самочувствие ухудшалось.

При первых же таких случаях у меня явился вопрос: не лежит ли на мне нравственная ответственность за моих больных? Не должен ли я отказаться от операций, а может быть, и от службы здесь? Рядом с этим возникал другой вопрос: а потерявшие зрение куда пойдут? В губернскую больницу? Там плата больше рубля в день, всё равно что запретительная пошлина. Там не место тому контингенту больных, какой был у меня. Платить пошлину на содержание больницы обязан, а слепнуть стал – туда не сунется, карман дырявый. Куда ж идти? Потерял зрение – стал калекой, в тягость и себе, и семье. Умереть бы рад, да смерть нейдет. И вот он получает зрение. Ведь все равно, что воскрес. Не калека он, не беспомощный, не с семьи берёт, а в семью даёт. Какая радость ему! Известно, что после операции катаракты, когда повязка уже сняли, и вновь открылся божий мир, у некоторых радость была так велика, что, как показывают случаи, описанные в медицинской литературе, являлось временное душевное расстройство. И я знал, как было бы правильнее решить ставшие передо мной вопросы. Решил их не я.

1905 год. Новая больница

Нашёлся человек с душой чуткой к страданию больных, отзывчивый на горе людское. Он сумел оценить, какая из нужд была большей нуждой, и пошел навстречу ей. Решился на строительство новой больницы. Ходко пошла работа, и скоро закончено было прекрасное здание новой больницы. Человек этот – крестьянин села Ухолова Семён Петрович Телелюев¹². Затратой своих средств,

¹² Семен Петрович Телелюев – владелец салотопенной свечной кустарной мастерской, который пожертвовал свои средства на постройку здания Ухоловской больницы. Купец С.П.Телелюев происходил из большой семьи Телелюевых в селе Ухолово, преемственное служение которых церковными старостами в Троицком храме (отец и три его сына) продолжалось 36 лет –прим.Т.Ф.

привлечением сочувствия нескольких лиц и своего крестьянского общества он дал местному населению то, в чём так сильно нуждалось оно. Велика его заслуга перед людьми! До земли мой поклон ему! Ему и тем, кто пришел на зов его.

Выстроивши три корпуса, строители принесли их вместе с усадьбой размерами в 135 десятин в дар Рязскому земству. Отделку здания оно уже взяло на себя.

В августе 1905 года мы перешли в новую больницу. В ней я думал осуществить мое давнишнее желание о постановке жизни лежащих в ней. Я так понимал отношение врача к нуждающимся в нем. Больного должен встретить врач – Человек, и в обратившемся за помощью он должен видеть не болезнь лишь, но и Человека. И в отношении к больному соблюдать обязанности не врача только, но и Человека. Правда, эти обязанности нравственные, и юридической ответственности в случае чего за них не понесёшь. Но в той или другой деятельности боящийся только юридической ответственности и не считающийся с нравственной, лишает себя права называться Человеком, понимая значение этого слова в его лучшем, истинном смысле. По роду работы или общественно-го положения можно быть судьей, священником, врачом, администратором и т.д., но не Человеком. У меня лично права на последнее нет в том смысле, что, предъявляя к другим требования нравственной ответственности, мне самому приходится грешить против неё. Но это, конечно, не лишает меня, как и каждого, добиваться этого права на нравственную ответственность. Но я уклонился в область соображений общего характера. Возвращаюсь к тому, на чём остановился.

Раз врач имеет желание и способен отдать своей работе больше времени, то при сочувствии других лиц он может значительно улучшить жизнь больничной семьи. Конечно, если не станет на пути препятствие, которое может всё погубить. Многие знают жизнь больницы. Судьба отрывает человека от дома, родных, привычного уклада и приводит в казенную палату, где все и всё чужое ему.

Приняли в больницу. Давящая атмосфера неуютной, казарменной обстановки. Сразу холодом охватывает душу. Сразу острая тоска по детям, привычному домашнему теплу заполняет её. День идёт, другой проходит. А тоска не оставляет. Ей раздолье здесь, простор. Нет ничего, что отвлекло бы от гнетущих мыслей, ничего, что хоть чуть согревало бы сердце. Больной весь отдан своим тяжким думам. С утра до ночи время ничем не занято. Однообразно, томительно идут часы и дни: ныне – то же, что вчера, завтра то же, что сегодня. Всё сильнее гложет тоска, болит душа. Это обычная жизнь больницы. Воздух, свет, голые стены¹³. Хорошо, что воздух и свет есть. А у прежней больничной семьи, с которой я жил всё время до занятия новой больницы, и этого не было. Нередко тогда я себя спрашивал: чья жизнь лучше? Этой ли семьи, или семьи того лечебного заведения, которым заведует ветеринар?

Переехав в новое здание, я тут же приступил к осуществлению своей мысли: изгнать из него казенный дух и сделать больницей не просто для больного, но для человека. Я начал с обстановки. Большой, пустой, палатный коридор. И вот несколько картин, несколько банок с растениями, пять-шесть стульев, маленький решетчатый диван, круглые часы на стене, столик с шашками, вот здесь барометр, тут и там по термометру, детский микроскоп, маленький музыкальный инструмент... К описанной обстановке внутреннего, главного коридора больницы нужно добавить линолеум двухаршинной ширины во всю длину коридора (27 аршин). Он дал вид некоторого комфорта. Но не только для этого он был положен. Надо было закрыть плохо окрашенный пол коридора, так как он имел чрезвычайно неприятный вид, грязный. Получалось впечатление неряшливости, загрязненности всей больницы.

И вид этого коридора с голыми стенами, неуютностью пустой казармы, от которого так и веяло холодом чего-то отжившего, мертвящего, сразу охватывавшего пришедшего больного чем-то тоскливо-унылым, вид этот совершенно изменился. Как мало дали, и как много получили! Жизнь ворвалась сюда. Входит принятый больной и останавливается в недоумении: на диванчике мальчик дергает за нитку плясуна, другой мальчуган катает тележку и, остановившись у столика, смотрит, как двое играют в шашки, вон там грамотей вслух читает, трое рядом сидят, слушают... Где ж больница? – спрашивает он себя.

¹³ Не из наблюдения лишь за другими говорю это, но и по личному опыту: мне пришлось лежать в трех больницах.

Ведь ему говорили... Он так боялся сюда идти, неволя загнала. А тут: «Здорово, паштеннай. Откеля?». Пред ним его собрат. Уж улыбка на лице. Чем-то приветливым, ласковым пахнуло на него.

Я дал точный набросок обстановки главного коридора Ухоловской больницы. Не прихоть, не баловство сказывается в этом. Здесь нельзя не признавать значение прямо лечебное, не говоря уже о человеческом отношении к больному. Я прежде всего преследовал последнюю цель. Не думаю, чтобы кто-либо стал отрицать влияние психики, состояния нервной системы на течение многих недугов. Оставьте больного под постоянным воздействием мрачных, гнетущих дум – что может получиться? Здоровый захворает, а на больного воздействие будет таково, что не только лечение не даст никакого результата, а и болезнь значительно ухудшится.

В палатах была поставлена мебель не больничная, а употребляемая обыкновенно в частных квартирах, семейных домах. В каждой палате – одна, две картины, тумбы с цветами. Должен сказать, что на всё это: линолеум, мебель, картины, музыкальный инструмент «Глория» и т.д. затрачены не земские деньги. Желая осуществить свою мысль о постановке жизни в Ухоловской больнице, я обратился к частным лицам, объяснил им мою задумку и встретил сочувствие с их стороны. Они-то и сделали то, что сделано.

Ни о чем этом я не заявлял ни Управе, ни земскому Собранию. Потому не заявлял, что действия мои могли расценить вовсе для меня нежелательными. Но об этом позже. Добавлю, что всё купленное для больницы на средства частных лиц составляет теперь её собственность и внесено в опись. Я описал, что сделано внутри. Снаружи кругом устроены лавочки, а с трёх сторон больницу обнял цветник.

Больничный досуг тоже лечит

Особенно важным был вопрос о заполнении ничем с утра до ночи не занятого времени больных, о заполнении с пользой для них. Это было бы жела-

тельным дополнением к той главной задаче, которую в данном случае я преследовал: отвлечь подопечных от их тяжёлых дум. С этой целью была устроена библиотека (в ней теперь 700 книг). Как развлечение, имеются шашки, лото, игрушки, детские театры, детский микроскоп, небольшой музыкальный инструмент «Глория», очень подходящий для нашего заведения. Я очень часто и сам пользовался им при операциях без общего, конечно, наркоза. И вынес не впечатление лишь, а убеждение в том, что при операциях музыка, несомненно, оказывает на больных влияние. Конечно, влияние её не на всех. На других она слабо действует. А на некоторых вовсе не действует. Но ведь из этих «некоторых» попадают иногда такие, на кого, вероятно, не подействовали бы трубы, при звуках которых пали стены Иерихона.

Например, лежит крепкий мужчина лет сорока на операционном столе, глаза полуоткрыты. Надо, чтобы он больше открыл их. Прошу: «Откройте, пожалуйста, глаза побольше». Во всю ширину открывает рот, одновременно сильно сжимая веки. Фельдшера и сиделки хохочут. Рот закрывается, глаза открываются. Прошу еще чуть побольше открыть глаза. Снова веки сжимаются, рот открывается. Или нужно положить на глаза повязку мужчине лет пятидесяти. Прошу закрыть глаза. Упорно смотрит мне в лицо. Опять прошу, упорно смотрит и всё в одно место. Неоднократно повторяю, результат тот же. В этих случаях никакая музыка ничего не сделала бы. Ни музыка, ни что другое. И никто не сделал бы, кроме разве сказочного хирурга, который, вскрывши череп, иссёк бы и заменил на новую ту часть мозга, которая, получая импульс для глаз, действовала бы на мышцы, открывающие рот.

Влияние музыки при операциях очень понятно. Применением тех или других анестезирующих средств чувствительность тканей той области, где производится операция, понижена настолько, что человек не ощущает ни малейшей боли. Но одно уж слово «операция» приводит некоторых в какой-то трепет. Ждут, что вот-вот начнется что-то ужасное. Все мысли сосредоточиваются на одном. Напряжение доходит до крайней степени. Воля парализована. Она уже не контролирует никаких поступков. Разные движения, сокращения одной

мышцы или группы мышц происходят вне её воздействия. Случись это во время, например, операции катаракты – последствия могут быть даже роковыми (в зависимости от силы сокращения мышц). Здесь всё в нервном состоянии больного, вызывающем напряжение до крайней степени. Нужно принять все меры к тому, чтобы предупредить такое состояние, или, раз оно явилось, по возможности понизить его. И тут важно разрядить напряжённую обстановку. На помощь приходит музыка. Перед самым началом операции «Глория» начинает исполнять марш или какую-нибудь русскую народную песню. А ещё я допускаю присутствие на операции других больных, товарищей по палате. Порой их смех или шутка, по сердцу острота, разговор на близкие темы очень разряжают обстановку.

Я упомянул о присутствии на операциях больных. Всегда охотно допускал их, старался даже сам привлечь, возбудить у них интерес. Делал это с целью пропагандировать в населении здравый взгляд на медицину, чтобы больные относились более или менее сознательно ко всем лечебным процессам. Я предварительно разъяснял им сущность и цель операции, стараясь держаться изложения доступного их пониманию, показывая на модели глаза все свои будущие действия. Объяснял их и во время операции. А после иногда расспрашивал, интересуясь, уяснили - ли они что-нибудь? Процедуры выбирал демонстративные, простые к пониманию. Самой подходящей для них была операция исправления косоглазия. При ней, кроме того, эффект получается сейчас же.

Расспросы мои показали, что некоторые не уразумели почти ничего, у других – неполное понимание: уяснение одного и путаница в другом. Но были и такие, которые вполне постигали то, что было мною сказано, показано на модели и во время хирургического вмешательства. Особенно помню одного больного в призывном возрасте, окончившего 2-х классное министерское училище. Он пробыл в больнице около четырёх месяцев и постоянно присутствовал на операциях, интересовался ими и давал правильные ответы. Память о нём навсегда останется во мне. Благодаря ему, предупреждена была смерть больного прямо на столе во время операции. Об этом скажу потом.

С целью заполнения времени больных мне представлялась весьма желательной организация чтений и работ. Предположения мои относительно программы чтений были очень скромные. Мне хотелось дать правильное понимание хоть некоторых явлений природы. Что такое роса, дождь, иней, снег, молния, гром и прочее? Объяснение многими грома ездой Ильи-пророка на колеснице не возбуждает смеха, не ушло в прошлое, а живёт и теперь.

Настолько же скромны были предположения мои относительно работ. Ну, хоть вязание чулок и шитьё белья... Чулки нужны и для больницы. Из сопоставления базарной цены на них со стоимостью материала легко определить заработную плату. Она отдавалась бы больным, и некоторые могли бы ею оплачивать своё содержание в лечебнице. Так близок был я к реализации этой мысли. Но меня лишили возможности осуществить её, что выяснится из последующего рассказа. А теперь скажу об усадьбе, чтобы совсем покончить с вопросом нашего обустройства.

Больница расположена за селом, в поле. Место совершенно открытое, без всякой растительности. Необходимо было произвести древесные посадки, чтобы в ближайшем будущем дать зданию защиту от ветра и пыли. Это - насущный интерес больницы. Я обратился к председателю Управы. Для благоустройства усадьбы в 135 десятин он ассигновал всего пять рублей. Почтовые расходы, доставка посадочного материала на железную дорогу, провозная плата, доставка на место, земляные работы... Видно было, что нуждам больных не достучатся в ту дверь. Я решил попытаться сам что-нибудь сделать и пошёл к тем, кто мог дать больнице саженцы деревьев. Их охотно дали. Посажено 1605 штук. Из них хвойных: 1000 маленьких сосен и 105 превосходных елей, остальные: берёза, вяз, клён, ясень. Кроме того, половина боковых сторон и вся фасадная обсажены акатником. Для оставшихся пустыми посеяны минувшей осенью его семена. Сосенки были присланы очень поздно, когда начались морозы, и посажены были наскоро ¹⁴. Мне говорили, что будет 70% потери, но её оказалось 40%. Если дали 3% потери. Быть может, это было достигнуто усиленным

¹⁴ Весной были исправлены недочёты осенней посадки.

уходом в течение весны и лета. Обзавелись мы и ягодными кустами, и клубникой, присланными для больных частными лицами.

Относительно усадебной земли я обращался к председателю Управы с предложением эксплуатировать её в пользу больницы. Он отказал «из опасения убытка». Такое соображение, конечно, не могло заставить меня отступить от своей мысли. При выборе способов эксплуатации я остановился на огороде. Действуя не от zemства, я, в случае чистого дохода, считал себя вправе дать ему иное назначение, а именно: не для больницы, а для улучшения жизни её обитателей. Картофель и капуста не требовали большого ухода и надзора, и, кроме того, имелся удобный и верный сбыт в больницу. Ими и засаживался огород. В кассу для улучшения жизни больных огород дал чистого дохода в 1906 году - 30 руб. 47 коп., а в 1907 году - 35 руб. 93 коп. Мною велась запись прихода и расхода этой кассы. Она всегда открыта для желающих проверить её.

Говоря о посадках, я забыл сказать, что весной прошлого года, я, желая теперь же дать зданию защиту от ветра и пыли, сажал гаолян¹⁵, но никаких результатов не получил, всходов не было. Самая вероятная причина та, что я мочил семена. Из «Руководства к культуре гаоляна в России» Н.И. Казакова я узнал, что он не рекомендует вымачивание и проращивание зерен гаоляна.

За нынешнее лето древесные посадки дали прекрасный рост. Если за ними будет уход, то через 10 лет у больных будет и воздух, улучшенный хвоей, и защита от ветра и пыли. Дай Бог!

Производя посадки, я со дня на день ожидал своего увольнения Управой и потому спешил сделать то, что хотелось сделать для больных, что находил нужным для них. Если не всё, то главное сделано. Остальное мне помешала докончить Управа. Хорошие отношения её ко мне изменились со времени освящения Ухоловской больницы (оно было 14 октября 1905 года). С июня же 1906 года они стали крайне враждебными. Скажу об этом освящении.

Инициатива наказуема.

¹⁵ Однолетнее растение семейства злаковых с очень высоким стеблем и широкими листьями, являющееся разновидностью сорго.

Председатель Управы просил меня принять на себя все хлопоты по освящению больницы. Я, конечно, изъявил полную готовность. Но в разговоре выяснилось, что председатель не хочет приглашать на мероприятие строителей. Я усиленно убеждал его не наносить им такую обиду. Люди подарили три прекрасных каменных здания, крытых железом, большую усадьбу. Они удовлетворили такую великую нужду населения. За что же обида?

На председателя мои убеждения нисколько не повлияли. Он всё-таки не хотел приглашать строителей. Тогда я отказался от всякого участия в устройстве освящения. Нужно сказать, что, поручая его мне, председатель дал только одно указание – уплатить духовенству два рубля. Больше же решительно ничего.

За несколько дней до ритуала Управа сообщила мне, в какой час он должен состояться. Два рубля и обозначение времени – вот и все данные мне распоряжения. Я вторично отказался. Очевидно, Управа не хотела сделать день крещения Ухоловской больницы праздником для всех. Всё предстояло пройти сумрачно, тоскливо, одиноко. И я решил устроить праздник за свой счёт, хотя бы и в скромном размере. Обратился с просьбой к строителям, представителям общества крестьян села Ухолова, некоторым гласным Ряжского земства и местному духовенству пожаловать ко мне на обед по случаю освящения больницы.

Собралось нас человек 20 с лишком. Оживленный разговор, пение под рояль и фисгармонию. Один из гласных доставил обществу большое удовольствие исполнением комических куплетов. Любезно отвечая на просьбы слушателей, он долго оставался за роялем и внёс большое оживление в наш общий праздник. Незаметно прошла ночь, и занялась заря. Как сумели, а день тот сделали мы праздником.

Всё же удалось добиться от Управы приглашения строителей на освещение больницы. После второго моего отказа принимать в нем участие Управа за день до освящения написала мне, что не знала имён строителей и лишена была возможности пригласить их. Она винила меня в том, что мной не был прислан

ей список строителей.¹⁶ Я воспользовался этим и немедленно нарочным послал этот список комиссии. Раз Управа говорит, что не приглашала потому лишь, что не знала, то теперь, узнавши, уже должна будет разослать приглашения. Так думал я. С тем же нарочным вновь подтвердил свой отказ от всякого участия. Полагал, что при таких условиях кто-либо из состава Управы должен будет приехать для распоряжений по освящению. На освящении я отсутствовал.

Однако в составе воинского Присутствия, прибывшего 14 октября в село Ухолово для приёма новобранцев, был член земской Управы. Но он был как член того Присутствия и решительно никакого активного участия в освящении не принимал¹⁷. К трем часам дня выяснилось, что он не будет делать распоряжений, и я поспешил за священником.

Было совсем уже темно, когда начался молебен. Четыре восковых свечи слабо освещали большую комнату операционной. Среди собравшихся не было главного хозяина – Управы, то есть её посланника. Тяжелы были те минуты. Такой сиротой показалась мне больница. Получалось, что над ней мачеха, а не мать. Не молебен будто был, а панихида. Здесь хоронили ту частную инициативу, которая дала жизнь этой больнице. И если бы не было той инициативы, кто дал бы жизнь больнице и когда? Земство? Оно выделило бы средства? Я сомневаюсь. Потому сомневаюсь, что прежде, чем дать средства, надо иметь их.

Несколько лет назад Ряжское земское собрание, находя нужным построить больницу в селе Никольские Гаи, но, не имея свободных средств, решило ежегодно откладывать по тысяче рублей до суммы, необходимой для постройки. План той больницы был изготовлен и утвержден Собранием. Ухоловская возведена по плану Гаевской, но несколько измененному. И вот мы видим, что вызванная к жизни частной инициативой Ухоловская больница уже три года обслуживает население, а Гаевская всё «лежит» в бумагах на полке в Управе. Вот значение частной инициативы.

¹⁶ Ещё во время первого разговора я говорил Председателю, что он может запросить список у волостного правления, что Управа может даже уполномочить волостное правление от её имени разослать строителям приглашения.

¹⁷ Он даже просил меня пригласить к себе исправника, прибывшего с воинским Присутствием. И сам был у меня гостем.

Строители взяли на себя отделку квартир­ного здания, но вдруг совершенно от всего уст­ра­ни­лись. Почему? Деньги пожалели? Затра­ти­ли тысячи, а сотни им жаль стало? Нет, верить этому я не хотел. Строители высказывали желание учредить именные койки, иметь право в назначении медицинского персонала. Вопросы эти были вначале и разрешились. Не в них была причина. Но что же заставило строителей всё бросить и уйти? Мы знаем случаи, где частная инициатива совершенно искренно шла навстречу той или другой общественной нужде. Но вдруг она встречала препятствие там, где не ожидала встретить, а желала бы видеть совершенно обратное. Я и подумал, не здесь ли кроется причина? Не в отношениях ли к ней Рязжской управы, которые она продемонстрировала во время освящения? Ведь строители не жалели денег. По крайней мере у меня были основания предполагать, что они не думали ограничиться принесенными в дар Рязжскому земству тремя каменными зданиями, а имели в виду выстроить на той же усадьбе заразный барак (а как он нужен)¹⁸.

Я глубоко ценю заслугу строителей пред населением. В данной ими больнице не могут быть случаи воздушного голодания больных, как в прежней. Там была масса условий неблагоприятных, но теперь от них посетители избавлены. А Управа, по занятии больницы даже не предложила Земскому собранию выразить благодарность строителям и Ухоловскому обществу крестьян. Земское собрание выразило эту благодарность уже по моему предложению. В день освящения Управа не захотела оказать благотворителям никакого гостеприимства. Оно было оказано мною за мой счет. Зато предъявила мне обвинение в том, что обед и прочее я устроил на земские деньги.

Мною документально было доказано, что освящение Ухоловской больницы стоило Рязжскому земству 2 рубля 20 копеек¹⁹. Ровно столько, сколько выделила Управа на оплату церкви за обряд. С той поры между мной и Управой начала образовываться трещина в отношениях, которая стала расти с большой скоростью после одной истории. А она вот в чём.

¹⁸ Не прямые, а побочные указания были у меня. Сокровенных мыслей строителей я не знал, но кое-что приходилось и слышать, и видеть, так как я состоял делопроизводителем их строительной комиссии.

¹⁹ Историю освящения передавали неверно, а потому я подробно изложил её.

По зову совести

То был черный год в жизни моей и больных, искавших у меня помощи. И я расскажу, как шла моя деятельность в этот чёрный год, что вызвало настоящие гонения на меня Управы. Это сразу осветит положение.

Доктор Всеволодов, служивший несколько лет в Ряжском земстве, заведовавший амбулаторией в городе Ряжске, находясь в запасе армии, был вызван во время войны с Японией на действительную службу. По постановлению земского Собрании служащий Ряжского земства (не менее 2-х лет), взятый из запаса на войну, получал сам или его семья половину жалования призванного. За ним оставалось и прежнее место работы.

Врачей, приглашенных в амбулаторию на место Всеволодова, предупреждали, что должность временная, что право на неё принадлежит отправленному на войну доктору, который, возвратившись назад, опять займет её. Время шло. Врачи менялись. Но вот на горизонте показался доктор Шопов - зять председателя Ряжской земской управы и занял вроде бы временно то место. Он - болгарин и до этого служил в Болгарии. И так случилось, что за два с чем-то месяца до возвращения с войны доктор Всеволодов был вдруг уволен, а на его место, как уже на постоянное, был определен Шопов.

По возвращении с войны Всеволодов подал жалобу господину начальнику губернии, которая была передана на рассмотрение Ряжского земского собрания. Каково будет мнение Собрания? От нескольких лиц слышал я этот вопрос и не понимал, как могут быть здесь два мнения? Если бы было хоть одно действительное основание. Ни одного. Меня эта ситуация сильно волновала. Всё поднялось во мне горячим протестом, когда я услышал об увольнении доктора Всеволодова.

Жалоба его рассматривалась в самом начале июня 1906 года в экстренном заседании Собрания. Прочел её председатель земской Управы. Он оспаривал право Всеволодова на место, говорил, что статья закона, указывающая на такое право, относится к лицам, состоящим на казенной службе, и для земства не обя-

зательна. Упрекнул в неблагодарности. Дескать, семье Всеволодова было выдано 600 рублей (точно сумму не припомню), и вот как он отплачивает за это. Затем председатель Управы обратил внимание Собрания на то, что в жалобе после слов «я был уволен» следует фраза: «а место моё было отдано зятю председателя Ряжской земской управы», да еще эта последняя фраза подчеркнута.

– Этим Всеволодов заведомо оскорбляет Управу, как бы указывая на ее лицепрятие, – возмутился председатель. – И Управа, считая себя оскорбленной, уполномочила меня заявить об этом Собранию и искать удовлетворения.

Всем присутствующим предложено было высказаться, и я попросил слова. Прежде всего, я спросил председателя Управы: помнит ли он, что на внесённое мною около двух лет назад в земское Собрание предложение об оставлении права на место за служащими Ряжского земства, призванными на войну? Тогда он ответил, что нет надобности обсуждать это предложение, так как закон обязывает в этих случаях сохранять место за призванными из запаса. Председатель припомнить этого не смог. И я вступил с ним в полемику.

– Управа, – продолжал я, – признавала за доктором Всеволодовым право на место. Это было видно из того, что, приглашая врачей, она предупреждала: место временное, по возвращении с войны его займет Всеволодов, как имеющий на него право. Так и шло. Перед возвращением же Всеволодова с войны его уволили, а его должность отдали другому. Чем это было вызвано?

– Доктор Шопов, – ответил председатель, – сказал нам, что ему предлагают постоянное место в другом земстве. И коли ему место Всеволодова дадут, как временное, то он уйдет в другое земство. Теперь нелегко найти врача. А оставлять без медицинского обслуживания население Ряжского городского участка мы не могли допустить. Оно нуждается в лекаре.

– А в это время все места участковых врачей в уезде были заняты или были свободные?

– Кажется, в Никольских Гаях не было доктора.

– Да, там не было долго, целые месяцы, чуть ли не год, – подтвердил я. – И там на большом расстоянии нет ни одного врача. А в Ряжске есть. В слу-

чае чего помощь была бы оказана. Почему же вам так дороги, так близки были интересы населения городского участка, и так вы были далеки от интересов населения того захолустного села? Оно долго ждало медицинской помощи, и вы находили, что может и еще подождать.

Доктор Всеволодов отправился на войну не для удовольствия. Он исполнял общегосударственную повинность, поехал за меня, за вас. Какая перспектива представлялась ему? Что ожидало его там, за тысячи вёрст? Лечь от случайной пули на Маньчжурских полях. Заболеть эпидемической болезнью, не перенести и остаться там. Возвратиться домой калекой. Вот что могло ожидать его впереди. Но он должен был ехать, и уехал. Когда же вернулся, то увидел, что его уволили. Вот, в чём оказалась «милость» к нему Рязского земства, а не в тех деньгах, выданных его семье, на которые вы указывали, как на милость. Те деньги его по праву.

Вы оспариваете право доктора Всеволодова на место и говорите, что в законе якобы нет статьи, которая указывала бы на это право. Если бы даже и не было таковой, то в данном случае в силу вступают нравственные понятия, общечеловеческая совесть. Они требуют признания за ним этого права. Что касается черты, проведенной в жалобе под известными словами, то я не понимаю, почему она так оскорбляет Управу? Ведь то, что подчеркнуто, – правда, факт.

В этом же духе говорили и другие. Один из гласных от крестьян заявил, что жители его волости уполномочили просить, чтобы за доктором Всеволодовым оставили его прежнее место работы.

Результатом закрытой баллотировки стало возвращение доктору Всеволодову его постоянной должности. Доктор Шопов был уволен. Решение Собрания встретили сильным взрывом долгого, шумного приветствия публики, наполнявшей зал. Это было таким выразительным показателем глубокого удовлетворения поруганной общественной совести.

Горе - помощники

Ко времени перехода в новую больницу специально - глазное дело настолько разрослось, что выполнение предъявлявшихся властью требований стало невозможно. И как нарочно с того времени у меня были крайне плохие помощники (кроме одного).

Вот два ротных фельдшера, с которыми началась моя деятельность в новой больнице: неряшливые, нерадивые, не знающие, работающие кое-как и то лишь со мной. При мне – навеселе, без меня – и вовсе пьяные. В моё отсутствие больных принимали с бутылкой водки в кармане. Порой их в бесчувственном состоянии брала полиция с площади и доставляла в земскую квартиру. Вымогали у больных деньги. Получая с приходящих обычную земскую плату – 10 коп., нередко клали её в карман, не внося в книгу записей.

Однажды во время приема из расспросов одного больного выяснилось, что он был в течение такого-то периода 12 раз. Каждый приход платил 10 копеек. По проверке оказалось, что он записан не 12 раз, а только 3 раза. Следовательно, в земскую кассу поступило 30 копеек, а 90 копеек осталось в фельдшерских карманах. Всё это я записал в амбулаторную книгу, больной удостоверял прочтённую ему запись своей подписью. Подписался и я, и оба фельдшера. Сначала помогло, а потом опять началось. Три таких записи были занесены в амбулаторную книгу. Я не имел намерения привлекать к суду виновных, я считал эту меру угрозой, которой боялись бы.

Больные приходили ко мне, просили выдавать им лекарство, делать перевязки (амбулаторные), но я не имел времени на это. Доведенный чуть не до отчаяния, опасаясь случаев отравления, я написал в Управу, что у меня и в больнице, и в амбулатории «вопиющие беспорядки» (подлинное выражение), что устранить их при наличном составе фельдшеров я не могу, и просил дать мне других.²⁰ Управа не ответила: даст она или не даст.

Через месяц я лично отправился к председателю Управы. «Да что же такое они у вас делают?» – спросил он. Я рассказал ему всё. «Вы уж очень горячо относитесь ко всему этому», - ответил он. И фельдшера остались те же. Это

²⁰ Отношение за №142 от 5-го сентября 1905 года

удивительное отношение! Знал, что моя глазная деятельность приняла широкое развитие, уже для неё одной требовался сильно напряженный труд. Знал, что при этом я несу и все обязанности участкового врача. Моя общая деятельность превышала возможности человека. И при всём при этом оставлять меня с такими помощниками?!

Я совершенно выбился из сил и заявил в земском Собрании в 1905 году, что многие больные, прождавши целый день, уезжают без осмотра врача, что мне приходится отказаться от специально-глазного лечения. Тогда Собрание постановило освободить меня от общего амбулаторного приема больных, пригласить школьного фельдшера взамен ротного и амбулаторный прием поручить ему. Я должен был вести глазную больницу на 12 штатных коек (общих и глазных) и выполнять участковые обязанности по эпидемии, оспопрививанию, принимать роды. Этим Собрание хотело дать мне возможность большего удовлетворения запросов населения, улучшить состояние медицинской помощи в Ухоловском участке.

Но Управа иначе использовала это постановление. Приславши фельдшера взамен ротного в ноябре 1905 года, она известила меня, что он командирован исключительно и только для приема приходящих больных (кроме глазных). Других обязанностей он не должен был нести. Мнение Управы очевидно было неправильным. «Взамен ротного», – говорилось в постановлении Собрания. Следовательно, подлекарь должен был кроме амбулаторных выполнять и другие обязанности. Ввиду такого произвольного толкования я просил Управу поставить этот вопрос в предстоявшее экстренное земское Собрание, указывая на то, что такая трактовка работы фельдшера наносит ущерб делу и вред больным. Управа проигнорировала мою просьбу, не ответила мне даже и не обратила внимание на указанное мною последствие такого её решения.

Четыре дня в неделю помощник принимал больных, кончая прием в час или в два. После этого, а также три остальные дня он ничего не делал. Я не мог его никуда послать: ни к эпидемическим больным, ни на экстренный случай, ни на операции... Никуда.

Было, например, так: всё готово к операции, положили больного на стол, вдруг экстренное требование. Надо сейчас же послать фельдшера в село Покровское для всprыскивания сыворотки (по назначению доктора Игнатьева) опасно больному дифтеритом. Предлагаю ехать амбулаторному фельдшеру – отказывается под предлогом, что нет теплой одежды. Даю ему свою шубу и меховое одеяло, но он решительно не хочет ехать. Приходится посылать второго, больничного подлекаря, который помогает мне во время операций. Всё. Операцию не с кем делать. Откладываю. Время, потраченное на подготовку, пропало.²¹ И такие ситуации нередки: экстренному больному нужна помощь фельдшера, но больничный где-то на участке, а амбулаторный отказывается. Меры не принимаются до возвращения больничного фельдшера.

По постановлению Собрания Управа должна была командировать ко мне врача для операций под общим наркозом (для ведения наркоза). А она не стала этого делать. Пишу бумагу – молчание. Телеграфирую - молчание. Приходилось производить операции под хлороформом с помощниками, каких я выше описал.

Управляющий господина Шультена привез в больницу старика и девочку. У девочки на правом глазу было выпячивание роговой оболочки. Нужно было делать две операции: иссечение куска радужной оболочки и недели через три удаление выпячивания роговой оболочки. Первая операция прошла с успешным результатом. Наступило время второй. Прошу фельдшера, командированного Управой, хлороформировать девочку. Он, к удивлению, соглашается. Началось хлороформирование. У больной сделалось затруднение дыхания. Помощник начал делать нечто несообразное. Всмотревшись в него, я увидел, что он пьян. Пришлось отложить операцию.

Через несколько дней назначил её опять и выбрал время пораньше утром, чтобы мой подручный не успел напиться. Я внимательно всмотрелся в него, когда он пришел, и ничего не заметил. Девочку привели в операционную, поло-

²¹ Случай был не экстренный. Но мог быть случай, где вследствие отсрочки операции зрение пропало бы навсегда, безвозвратно.

жили на стол. Фельдшер начал хлороформировать, наступил полный наркоз. Ввожу векодержатель (инструмент, который держит веки открытыми), хочу начать операцию. Рука с инструментом уже у глаза. Вдруг я пошатнулся от толчка. Фельдшер, потерявший равновесие, покачнулся и толкнул меня. Он был пьян. А наркоз был полный... Опять унесли девочку. Так и не пришлось сделать ей операцию. Вскоре она заболела острым воспалением легкого, выздоровела, но надо было выждать, чтобы окреп организм. Через месяц я нашел возможным оперировать ее, но, конечно, не с тем уже фельдшером. В ночь перед операцией у девочки явился озноб, температура 40°. Опять острое воспаление легкого с осложнением: гнойным обострением радужной оболочки и ресничного тела того глаза, который предполагалось оперировать. Это обстоятельство и погубило глаз.

Отчего у девочки два раза явилось воспаление в легком? Утверждать не могу, но думаю, что она простудилась в клозете. Там было очень холодно, зима. Тепло не подавалось никакой печью. Сидение было у окна, отнести его не позволяли размеры помещения. Один старик с двухсторонней зрелой катарактой, лежавший далеко от окна, близ печи, ходивший только в клозет, получил воспаление плевры. Он, думается мне, только там и мог простудиться.

Поэтому приходится писать о клозетах. Управа намеревалась поставить в больницу земляные клозеты Тимаховича. Я просил этого не делать. Говорил, что они не соответствуют требованиям больничной гигиены. Просил, если нет средств для устройства ватерклозетов, то соорудить простые, но тёплые сортиры, выделивши их несколько из здания больницы и соединивши с ней тёплым коридором.

Управа передала вопрос в санитарный Совет. Заседание было назначено на пять часов вечера, а открыли его в 11 часов дня и к обеду окончили. Я лишен был возможности присутствовать (из земских врачей в заседании том участвовал только один) и доказать непригодность для больницы земляных клозетов Тимаховича. А санитарный Совет решил поставить именно их. Через десять месяцев они были удалены и всё-таки заменены ватерклозетами. Потребовалось

десять месяцев!, чтобы приняли мое предложение. Но водопровод зимой не действовал, так как неумело был устроен.

Выгребная яма в полтора кирпича, с нецементированными стенками располагалась прямо у окна палаты под фундаментом. Газы, и жидкость непременно должны были входить в почву под больницей. Через известный промежуток времени почва эта была загрязненной, насыщенной разными бактериями. Правилам М.В.Д. по устройству выгребных ям при больницах придают особенно важное значение. Они указывают на необходимость относить их возможно дальше, и цементировать тщательно стены. Несоблюдающие эти правила привлекаются к суду. Об этом мною сообщено было Управе. Считая себя нравственно ответственным в данном случае, я не мог допустить пользования выгребной ямой, вынужден был закрыть ватерклозеты и опять внести кресла Тимоховича. Чтобы ими правильно пользоваться, надо было ставить дежурного. Иначе за порядком уследить невозможно. Помещение для клозетов чрезвычайно маленькое, перегородка аршина полтора-два, не доходит до потолка. Вытяжной трубы не было сделано, и весь смрад шел в больницу. Зимой в них очень холодно: печи или грелки нет, кресла прижаты к окну.

Гонения

Я уже сказал, что с июня 1906 года отношения ко мне Управы сделались крайне враждебными. В чем они выражались? Как влияли на ход жизни больницы? Каков был конечный результат их как для меня, так и для больных? На все эти вопросы дает ответ строго объективное изложение того периода моей деятельности.

Картинам, которые здесь пройдут, я предположу общий фон из области слухов. Соответствуют ли те слухи действительности, не могу сказать, потому что не могу доказать. И вопрос: была то или небылица? – остается вопросом. Всех слухов - три. Привожу их в хронологическом порядке.

Первый. Кому-то было желательно с какой-то целью сделать меня политически неблагонадежным. Мне думается, что слух неверный. Ведь, чтобы заниматься политикой, да еще с перспективой «не столь отдалённой», нужно всё-таки время. А у меня его не было даже для переписки с родными. Общество, в котором я вращался, было вне подозрений с этой стороны. Оно состояло исключительно из больных. Коли бы их спросили, о чём я с ними говорил и что я с ними делал, то все мои слова и действия признали бы совершенно свободными от всякой политической нечисти. Если слух тот и был пущен, то он, наверное, застрял где-нибудь на задворках. Ведь более двух лет прошло, а я целёхонек.

Второй. Кому-то будто было желательно сделать меня умственно ненормальным. Слух этот на улицах не показывался, а ходил по задам. Я думаю, что и этот слух неверен. Потому так думаю, что пустить его может только нравственно ненормальный человек, а у нас тут таких людей как будто нет. Да и начальство не стало бы держать меня на службе, но уже более двух лет прошло, а я тружусь всё здесь же.

Третий. Кому-то будто было желательно сделать меня взяточником во время приема новобранцев в 1906 году по 2-му призывному участку Ряжского уезда. Стал ходить слух этот по домам с заднего крыльца. В таких вопросах я немножко щепетилен. И всё-таки это нисколько не нарушило мое равновесие. Очевидно, автор слуха о взятках не знал, что было в Присутствии по воинской повинности во время приема новобранцев.

Пришедши туда, я заявил председателю Присутствия, что один из призываемых предложил мне двести рублей, чтобы я высказался за непригодность его к военной службе. Я назвал фамилию. Об этом знало всё Присутствие. Новобранец тот был взят на военную службу. Думаю, что и этот слух неверен. Я случайно узнал фамилию лица, будто пустившего этот слух. Прямо спросил его: правда ли, что он говорил о взятках? Но он положительно всё отрицал. Надо думать, что здесь неверно было понято донесение земского начальника губернатору, что много лобовых освобождено по 2-му призывному участку Ряжского уезда.

В этом именно наборе не по вине Присутствия случилось обстоятельство совсем нежелательное. Вследствие довольно большого числа браковки по трахоме²² пришлось взять несколько человек из 2-й льготы. Я лично того мнения, чтобы трахомных нужно призывать, если роговая оболочка не поражена. Было бы желательным изменение статьи 33 литер «А» положения по приему новобранцев. Я высказал такое соображение: трахомного следует признавать годным (если во всем остальном он здоров), но с отметкой для сведения военного начальства. По прибытии на службу такого новобранца отделят в госпиталь и станут лечить. Таким образом достигались бы следующие цели. Из населения будет изъят источник распространения трахомы, больной будет излечен, и будут устраняться случаи приема на военную службу из 2-й льготы.

Нет ничего удивительного в том, что среди призываемых оказалось много трахомных. А между тем число их некоторые находили невероятным и указывали на это как на «что-то». Очевидно, они не в курсе данного вопроса, не знакомы с ним, а иначе ничего невероятного не находили бы тут. За последнее время трахома быстро прогрессирует. Данные Ухоловской глазной амбулатории показывают 2,5% трахомных за 1901 год, 5% за 1905 год, 10% за 1906 год. Осмотр учеников в десяти школах, которые я объехал, показал процент заболевания трахомой от 7 до 17%.

Пироговский съезд, бывший в Казани, назвал прогрессирующее в настоящее время развитие трахомы в России социальным бедствием и избрал комиссию для изучения вопроса и выработки мер по борьбе с этой болезнью. Я имел честь получить приглашение войти в состав этой комиссии, и в представленном мною докладе «К вопросу о мерах борьбы с трахомой» высказался и о желательности возбуждения ходатайства об изменении статьи 33 литер «А».

Если действительно распространялись слухи, о которых я сказал, то они могли дать фон, вполне соответствующий картинам, к изложению которых я перехожу.

²² Трахома – инфекционное заболевание глаз – прим. Г.Ф.

В апреле 1906 года я представил в Управу финансовый отчет за прошлый год. Его составление было очень затруднено вследствие путаницы в фельдшерских ведомостях. Ещё в сентябре я писал Управе о «вопиющих беспорядках», для устранения которых необходимо было сменить подлекарей, и просил дать мне других. Но результата не последовало. Управа оставила при мне тех же. Я не знал, что и делать с ними. Дошло даже до составления полицейского протокола, чтобы получить от фельдшеров отчетность. Так один закончил сдачу 7 марта 1906 года, а другой совсем не сдал. Это и было причиной запоздалого доставления документов в Управу.

Ввиду того, что отчет мною долго не представлялся Управе, я находил неудобным обращаться к ней за деньгами на расходы больницы и тратил свои средства. Так мне приходилось нередко и прежде поступать и получать с Управы деньги, затраченные мною из личных доходов, после предоставления отчетности. В 1905 году я истратил на больницу более 700 рублей и, отославши 12 апреля 1906 года отчетность, просил о возврате мне моих денег. Управа в июне уведомила меня, что, рассмотрев мой отчет, не находит возможным принять к оплате расходы в сумме 38 рублей 90 копеек, совершенные в январе, феврале и марте 1905 года. Объяснение было таким: «подписи разных лиц сделаны одной и той же рукой, что даёт повод предположить, что эти подписи произведены не теми лицами, от имени коих они выданы». Управа предложила представить новые отчёты в самом непродолжительном времени.

Нужно сказать, что в то время хозяйственную часть вела сестра милосердия. В честном ведении ею расходов я уверен. Но она оставила службу. Прошло уже полтора года с тех пор. Обратиться вновь за счетами к тем, у кого мы покупали для больницы всё необходимое? Но кто из купцов мог бы припомнить отпуск разного товара в сумме 2 копейки, 4 копейки и т.д. В какое положение ставил бы я себя, обращаясь к купцам с просьбой о вторичной выдаче счетов более, чем годичной давности!

Получивши в июне сказанную бумагу от Управы, я в то время ничего не ответил. Да и что отвечать? Лучший ответ мог бы дать суд. И я хотел обратиться

ся к нему за защитой. Это была первая мысль. Но сейчас же явился вопрос: а земское Собрание? И я отказался от мысли идти в суд. Конечно, прежде всего, в земское Собрание. Конечно, туда должен я идти и там искать защиты. Такое направление вопроса носило в себе иной характер: сор из избы не выносился. И я решил ждать земского Собрания.

Согласно той бумаге, остальные расходы были признаны Управой правильными, и деньги мне предложено было получить. «Вы можете получить, когда Вам угодно, но не позже 1-го июля сего года». Так закончила Управа своё послание.

Я невольно сделался новым источником земской доходности, вернее, мой личный кошелек. Не в шутку задавал себе вопросы: «Как часто Управа будет подходить к этому источнику, и сколь умеренна будет она в пользование им?». Разрешились эти мои вопросы гораздо скорее, чем я мог бы предполагать. В том же самом июне, Управа известила меня, что не находит возможным оплатить все произведенные мною расходы за весь год, если я не представлю сведения «о числе больных, содержавшихся в больнице ежедневно, с непрерывным указанием отпускаявшихся им порций питания - сильная, средняя, слабая». Требование указания порций по существу правильное, но Управа ранее никогда это не запрашивала. И я не знал, что надо доставлять такие сведения. До этого отчетность составлялась всегда по такой форме:

Ведомость о больных, лечившихся в Ухоловской больнице
за январь-месяц 1904 года.

№	ФИО, звание и местожительство лечившихся	Время поступления	Время выписки	Число дней в лечебнице	Получено денег	Осталось в долгу
1	Иван Петров Семёнов, крестьянин, село Ухолово	3 января	12 января	10	1 рубль 20 коп.	-----
2	Дарья Иванова Семёнова, крестьянка, село Смолеевка	4 января	14 января	11	-----	1 руб.32 коп.

И так далее...

Счет расходов по содержанию Ухоловской лечебницы
за январь-месяц 1904 года.

Наименование статей расхода	Сумма	Расписки в получении денег
Таз луженый и ведро	85 коп.	Прошляков

И так далее...

Для сведения счетов по приходу и расходу (баланс) формы никакой не было и нет. Более этого я ничего не доставлял, а Управа более ничего никогда не требовала. И лишь в июне 1906 года я вдруг впервые получил требование о доставлении данных о ежедневном отпуске порций за прошлый год. Но в таком случае извещение о необходимости их сбора я должен был получить заранее, в декабре 1904 года (чтобы в 1905 году начать их собирать). Тогда требования ко мне были бы правомерны. А так это напоминало придирки.

Сведения о числе больных и числе дней, проведенных каждым из них в больнице, всегда доставлялись в Управу. В ежемесячных расходных листах каждая статья была поименована, стоимость её обозначена. По этим данным всегда могла быть точно определена стоимость продовольственного дня и вообще правильность ведения расхода.

Я уже сказал, что Управа впервые сообщила мне о форме больничных ведомостей в конце июня 1906 года. Форму же хозяйственных ведомостей Управа впервые прислала мне лишь 30 октября того же года.

– При сём Управа посылает вам для сведения и руководства формы, по которым должно доставлять отчетность, – говорилось в присланных документах.

Выдачу мне в возврат денег Управа допускала лишь в том случае, если мною будут исполнены сказанные требования. И притом сообщалось, что если я исполню их до 1 июля, то деньги будут тут же мне выданы. Если же после 1 июля, то не ранее января 1907 года. Но их совсем не отдадут, если те требования не будут мною выполнены. А так как я просто не мог их выполнить, и Управа должна была знать, что я их не могу выполнить, то было ясно, что мне отказано в возврате более 700 рублей.

Что касается непредставления по некоторым расходам расписок, на что тоже указывала Управа, то часть из таковых не могла быть представлена мной. За весь год она выразилась в сумме 1 рубль 5 копеек и состояла исключительно

в расходе на почтовые марки. Переписываясь с тем или другим фельдшером по приглашению его на службу, посылая письма простыми, вкладывал в них марки для ответа. Я не предъявлял Управе расписок от фельдшеров в получении ими от меня писем с марками и не предъявлял удостоверений в том, что письма мои были исключительно служебные. Те расходы, по которым расписки, пожалуй, могли бы быть представлены, состояли в плате священнику за молебны в больнице. Если я не ошибаюсь, сумма этих расходов за год составляла рубля четыре. Управа могла бы запросить причт сообщить сведения об уплате. Я никогда не представлял таких расписок, и Управа никогда их не требовала. Отвечать на эти запросы начальства было нечего. Да оно и не требовало ответа.

Ровно через месяц 24 июля Управа прислала бумагу с требованием сообщить, в каком положении дело по доставлению сведений за 1905 год о числе находившихся во вверенной мне больнице лечившихся и о количестве проведенных ими дней. В бумаге говорилось, что эти данные необходимы для того, чтобы уплатить мне деньги в возврат за мои больничные расходы. Я не замедлил ответить, что вся информация, требуемая Управой, была выслана мною ещё 12 апреля. Но она вновь стала требовать доставления тех сведений, о которых я писал выше. Ответа от меня не было. Наконец, 19 августа 1906 года Управа всё же вернула мне деньги. Но моё право на них признала условно, до тех пор пока я не представлю запрошенные ею цифры. Если же в присланном она усмотрит несоответствие с требованиями сметы, то удержит деньги из причитающихся мне к получению в 1906 году. Управа знала, что её распоряжение невыполнимо. Кроме того, и расчет её был неправильный. Я отказался получать высланные мне средства. Извещение об этом было послано мною 8 сентября.

Почему расчет Управы я считал неправильным:

1. Она уменьшила на 140 руб. 40 коп. сумму, которую я действительно израсходовал на больницу из личных средств. Например, стоимость пересылки денег - 1 рубль 60 коп. была поставлена в мой счёт и вычтена у меня. Управа высылает врачу деньги для оплаты расходов больницы, и стоимость пересылки вычитает у врача. Входить в оценку такого вывода Управы нет надобности. Со-

вершенно достаточно ограничиться указанием на него. Двух мнений здесь не может быть.

2. Действительная сумма аванса, высланного мне в 1905 году на расходы больницы, была 319 рублей 50 копеек. А в расчете Управы - 419 рублей 50 копеек. При объяснении мною было указано на это председателю Управы, но он утверждал обратное. Попросивши бухгалтерскую книгу, я показал, что в ней значилась та же сумма аванса, как и у меня - 319 рублей 50 копеек. Председатель не соглашался. Он взял у меня книгу и указал на запись ещё ста рублей, отправленных мне в апреле. Посмотревши внимательно, я сказал, что указанная запись не годится, так как она относится уже к 1906 году.

3. 38 рублей 90 копеек, как я сказал выше, мне не отдали, потому что в некоторых расписках за январь, февраль и март 1905 года, как настаивала Управа, «подписи разных лиц сделаны одной и той же рукой, что дает повод предполагать, что они произведены не теми лицами, от имени коих выданы».

Всех расходных статей в тех трёх месяцах – 258. Из них 98 не приняли к оплате. Мне присланы были три копии тех месячных расходов. Под каждым расходом, не принятым к оплате, была проведена густая черта красным карандашом. Я взял одну из копий, на которой карандаш Управы оставил следы стихийного разрушения. Какая масса жертв! Я так хорошо знал ту местность. Теперь она стала неузнаваемой. Лишь кое-где виднелись знакомые предметы. Из бывших там 74 расходных статей 53 пали жертвами карандаша Управы. В их обломках так сиротливо, одиноко ютились уцелевшие остатки.

Пожалуй, мне скажут, что здесь не место смеху. Да ведь здесь его нет. Здесь, говоря словами Гоголя: «сквозь видимый смех – невидимые миру слезы».

Вот какой вид представляли больничные расходы.

Счёт расходов по содержанию Ухоловской глазной лечебницы
за февраль 1905 года.

	Статьи расхода	Рубли, копейки	Расписки
1	За стирку белья	0,70	Мудренова
2	Керосину 17.5 фунта	0,64	Прутский

3	Пачку спичек	0,60	Прутский
4	Небольшой чугунок	0,36	Прошляков
5	¼ фунта чаю и 2 фунта сахару	0,64	Прутский
6	4 фунта мяса	0,36	Львов
7	За стирку белья	0,40	Мудренова
8	5 бочек воды	0,75	Казенный
9	Полпуда круп	0,75	Прутский
10	За 10 и ¼ фунтов мыла	0,80	Львов
11	Кусок тесьмы	0,15	Шугрин
12	За пуд хлеба	0,65	Вострокнутов
13	17 и ½ фунта керосину	0,66	Прутский
14	1 и 1/2 фунта сала	0,24	Прутский
15	5 фунтов соли	0,40	Прутский
16	Стекло для лампы	0,40	Прутский
17	За стирку белья	0,40	Мудренова
18	1 фунт мыла	0,10	Прутский
19	2 фунта мяса	0,18	Львов
20	¼ фунта чаю и 2 фунта сахару	0,65	Мудренова
21	1 пуд хлеба	0,63	Вострокнутов
22	20 фунтов круп	0,75	Прутский
23	20 фунтов пшеницы	0,70	Прутский
24	1 и ½ бочки воды	0,30	Казенный
25	За стирку белья	0,75	Мудренова
26	2 фунта мяса	0,20	Львов
27	Воз соломы	0,75	Тучин
28	Жаровня для кухни	0,10	Кузнецов
29	Железная кружка	0,13	Починов
30	1/10 фунта мяса	1,0	Львов
31	10 и ¼ фунта масла коровьего	2,87	Прутский
32	Судок для масла	0,15	Кузнецов
33	Деревянная чашка	0,20	Кузнецов
34	1 пуд хлеба	0,65	Вострокнутов
35	Гребешок	0,12	Марунина
36	Стекло для лампы	0,40	Прутский
37	Керосину 17и ½ фунта	0,64	Прутский
38	1 фунт масла подсолнечного	0,13	Прутский
39	За чистку отхожих мест	0,60	Тучин
40	За стирку белья	0,45	Мудренова
41	Мяса 1 и 1/2 фунта	0,15	Львов
42	2 бочки воды	0,30	Казенный
43	За стирку белья	0,45	Мудренова
44	3 четверти угля	2,70	Незнанов
45	За чистку труб	0,50	Кошелев
46	35 аршин коленкора, 3 десятка пуговиц и 1 катушка ниток	3,70	Шугрин
47	9 фунтов рыбы	1,24	Кахутин
48	2 белых хлеба	0,80	Прутский
49	¼ фунта чаю и 2 фунта сахару	0,65	Прутский
50	1 фунт мыла	0,10	Прутский
51	1 пачка спичек	0,60	Прутский
52	1 десяток бумаги линованной	0,15	Прутский
53	1 фунт ситного	0,40	Прутский
54	2 булки	0,40	Прутский
55	2 фунта муки	0,80	Прутский

56	5 фунтов соли	0,40	Прутский
57	1 булка	0,2	Прутский
58	1 пуд хлеба	0,65	Вострокнутов
59	За стирку белья	0,60	Мудренова
60	1 и 1/8 фунта рыбы	0,16	Прутский
61	2 булки	0,40	Прутский
62	Ситный и булки	0,24	Прутский
63	17 и 1/2 фунта керосину	0,64	Прутский
64	3 бочки воды	0,45	Казенный
65	20 фунтов круп	0,75	Прутский
66	15,0 кокаини муриате (хлористый кокаин)	6,06	Аптекарь Альберт
67	1 фунт масла	0,13	Прутский
68	2 пуда хлеба	1,30	Вострокнутов
69	1 фунт чаю и 2 фунта сахара	0,65	Прутский
70	За стирку белья	0,55	Мудренова
71	1 фунт масла	0,13	Прутский
72	Сиделке жалованье	4 рубля	
73	500 формалиновых лепёшек	5 рублей	Аптекарь Алберт
74	За починку стерилизатора	3 рубля	Казарин
	Всего:	54 рубля 18 коп.	

Из этой суммы на закупку продуктов затрачено 18 рублей 44 копейки. Продовольственных дней было 151, следовательно, один продовольственный день, согласно мои расчетам, обошёлся в 12,2 копейки. Расход оправдывался 74 расписками. Из них Управа 53 не признала правильными и находила «невозможным» принять к оплате расход по ним. Верными Управа нашла из 74 расписок 21, и расход Ухоловской больницы за тот месяц приняла в сумме, оправданной последними. Таким он и остался в архиве Ряжского земства.

Откинув «невозможное» и оставляя то, что принято Управою возможным, мы получаем следующую картину жизни больных Ухоловской больницы в феврале 1905 года. В долгую февральскую ночь и долгий зимний вечер здание находилось в полном мраке: весь расход на освещение Управой вычеркнут. Больные должны были изнемогать от жажды, так как жажда не удовлетворялась, не давали ни капли воды: весь расход на воду Управой вычеркнут. Раз не было воды, больные не умывались и не мылись. Как они должны были быть грязны! Вероятно, и вид их был невозможно грязный, так как, кроме того, белье ни разу не стиралось: весь расход на стирку белья Управой был вычеркнут. В пище больных совсем не было соли: весь расход на соль Управой вычеркнут.

Питание было безубойное: весь расход на мясо, рыбу Управой вычеркнут. Но ведь это же всё не так.

Суду земского Собрания хотел я передать вопрос о претензии ко мне Управы по поводу 98 подписей разных лиц в отчетности, якобы сделанных одной и той же рукой. Но её председатель мне заявил, что они сделают это сами. И вопрос о возмещении 38 рублей 90 копеек, согласно существующему порядку, тоже будет представлен Управой на усмотрение и разрешение гласных. Очередное земское Собрание было намечено на конец сентября 1907 года...

Скажу, как шла моя мысль в данном вопросе. Не оставляла меня в покое эта фраза Управы: «Подписи разных лиц сделаны одной и той же рукой, что дает право предположить, что они произведены не теми лицами, от имени коих выданы». Мне кажется, что в переводе на юридический язык это значит подлог. Если это подлог, то о нём следовало заявить прокурорскому надзору. Если же о подлоге говорится бездоказательно, то это – клевета. Я не юрист и не могу говорить уверенно по вопросам чисто правовым.

Быть может, мысль моя, идя так, идёт по ложному пути? Быть может, вопрос стоит иначе? Прежде всего, я хотел идти с ним в земское Собрание, но, как сказано выше, Управа меня опередила. Что же мне оставалось? Все ждать и ждать? Данный вопрос являлся вопросом моей служебной репутации, вопросом чести. И я, конечно, не мог его оставить. Я отправился к прокурору окружного суда просить о привлечении меня к ответственности за подлог, чтобы хоть этим путем иметь возможность реабилитировать себя. Оказалось, что привлечь меня может только учреждение, в котором я служу. В моем распоряжении оставалось одно: предъявление иска к земской Управе.

Судилице

В половине апреля моей дочерью был послан в Управу рапорт о моей болезни. Я подхватил острое воспаление легкого и плевры. В середине мая 1907 года было назначено заседание санитарного Совета. Я получил повестку с про-

граммой. Вся она состояла из трех слов: «Разные текущие дела». Загадочной показалась мне тема. В тех трёх словах будто таилось что-то недоброе.

Не совсем еще оправившись от болезни, я всё-таки поехал и явился в заседание, когда оно уже шло. Оказалось, что почти все вопросы представляли собой обвинения против меня председателем Управы, который заявил, что я вношу в бухгалтерию ведомства невозможную путаницу, нетерпимый беспорядок. Дескать, несмотря на требование Управы, я не высылаю денежные отчеты конца 1906 года. И исключительно лишь вследствие этого, Управа не может подвести у себя в книгах финансовые итоги года. Я ставлю всех в невозможное положение. И дальше терпеть такой беспорядок нельзя.

Председатель был совершенно прав, говоря о беспорядке в Управе. Он ошибался лишь в указании причины и его виновника. Прежде всего обязан сказать, что Управа не должна была требовать от меня высылки остатка денежных средств за год. За все время моей службы порядок был одинаков. Если к концу текущего года деньги оставались, то Управа всегда зачисляла их в аванс²³ следующего года на расходы больницы. Представьте, что порядок изменится. Тогда получится следующее: отославши остаток, я не буду иметь ни одной копейки на расходы больницы. И потому одновременно должен буду просить о немедленном его возвращении. А Управа, получивши остаток, должна будет немедленно выслать его назад мне на расходы.

Но, если всё-таки Управа изменила порядок, то должна была о том осведомить меня как подотчетное лицо заранее, ещё в декабре уходящего 1906 года. Но никаких изменений не было, требование о возвращении не поступало, следовательно, я не должен был ничего высылать.

Управа запросила остаток в мае. Но в мае она не должна была предъявлять такое требование. Ведь я известил Управу, что у меня на руках земских денег нет. Весь прошлогодний остаток был израсходован на больницу ещё в январе.²⁴

²³ В отношении за № 946, посланном мне 19 мая т.е. на другой день после заседания, председатель Управы уже называл тот остаток авансом.

²⁴ Несмотря на это, председатель на другой же день подписывает мне оплатить поставщиков из того остатка.

Данным мною разъяснением и закончилось в том заседании заявление председателя. Но вышла ли Управа из «невозможного положения»? Был ли в мае наконец в её бухгалтерских книгах закончен 1906 отчетный год? Надо думать, что нет, так как и в июне еще не были оплачены счета господина Прутского за приобретенный у него товар для Ухоловской больницы²⁵ в ноябре и декабре 1906 года. Прутскому же было сказано Управой, что я не присылал документов по закупкам. В действительности же счета за ноябрь и декабрь 1906 года с подробным перечислением оплат и за моей удостоверительной подписью отосланы были мной лично в Управу. А она их просто затеряла. Таким образом, указание на меня, как виновника беспорядка в Управе, не подтвердилось.

Второе заявление касалось моей отчётности. По утверждению Управы она «доставляется в невозможном виде, даже без обозначения времени; неизвестно к какому месяцу относится тот или другой расход». Потребовали от меня объяснений. Я ответил, что готов признать всё свое делопроизводство негодным, если в заседании будет представлена хоть одна моя бумага без обозначения времени. Какая угодно и хотя бы одна. Стали искать. Но ни одной такой не оказалось.

Третье заявление гласило о большом перерасходе у меня медикаментов. Были поставлены на вид сёла, где якобы это происходит. Я попросил сделать справку о стоимости лечения больного в участках других врачей. Оказалось, что у меня стоимость не выше и даже ниже, чем в участках, где не было перерасхода.

Четвертое заявление являлось просто обвинением меня в недоставлении отчётности за истекшие четыре месяца уже нынешнего 1907 года.

Все предъявлявшиеся ко мне требования, возможно ли было выполнить при тех условиях, в которые была поставлена моя деятельность, при тех помощниках, которые были у меня за последнее время? Не заявлял ли я председателю Управы «о вопиющих беспорядках», неустраняемых при наличном составе

²⁵ Они оплачены Управой в декабре 1907 года.

фельдшеров? Не просил ли переменить их? Как отнесся к этому председатель, я сказал выше. А насколько такие помощники облегчали труд мой? Можно ли было полагаться на них и доверять им? Я отвечу на эти вопросы перечислением фактов в самом сжатом изложении, вне связи их одного с другим.

- Беру настойку йода: бледный цвет, на дне нерастворенный йод. Вместо спирта оказалась вода.
- Поручаю измерить температуру больному, желающему лечь в больницу. Через 20 минут прихожу. «Температура 39,0°», – говорит фельдшер.

Данные исследования заставили меня усомниться. Проверяю, и оказывается, что температура 36,6.

Прихожу в четвертую палату, спрашиваю, какая температура у этого больного? «38,2°», – отвечает фельдшер. Подходит один из больных и говорит, что он проверял температуру сейчас же после фельдшера, термометр показал 37,0°.

- Назначаю больному слабительное – дать один раз столовую ложку английской соли. Фельдшер дает в 120 раз меньше, три раза в день.
- Ребенку с бленнореей глаза (заразная болезнь) фельдшер делает прижигание раствором ляписа и вслед за этим, не вымывши рук, выполняет перевязки больным с невинными язвами роговой оболочки. Это может погубить зрение навсегда.
- Прихожу во время ужина, все едят кислые, постные щи. Одна больная была с подьострым желудочно - кишечным катаром. Ей назначалась строгая диета. Я сейчас же сказал, чтобы она завтра оставила больницу, раз не слушается меня и ест то, что не велено. Что дают, то и ем, – был ответ. Это был праздник Воздвиженья, день постный. Интересуюсь у больных, не сами ли они отказались от мяса? Отвечают, что их никто не спрашивал. Иду к фельдшеру, спрашиваю его, почему без мяса? Ответ: больные не пожелали. Мною было уже сказано ему ранее, что больные, которым назначена вторая порция, которым нельзя есть постную пищу, должны оставлять больницу, если отказываются от назначенной им диеты.

- Однажды явился ко мне представитель от больных и попросил прийти к ним в столовую. Прихожу. От имени всех больных крестьянин В.Н. П-в обращается ко мне со следующими словами: «Вы просили говорить вам, что будет у нас плохо. Вот смотрите, по сколько дают нам в последнее время мяса». Могу сказать наверное, что каждому больному мяса дано было менее четверти фунта. Пришлось отобрать у фельдшера ключи и самому взяться за продовольствие.
- Все приготовлено к операции, привели больного. В это время приносят бумагу от полиции с просьбой об оказании помощи избитому крестьянину, находящемуся в бессознательном состоянии в 7 верстах от Ухолова. Чтобы не откладывать операцию, посылаю фельдшера и обращаю его внимание на необходимость тщательного исследования побоев и повреждений. По возвращении передает, что избитый без сознания, но никаких повреждений нет, что он оставил эфир давать ему, а кровь смыл. Не было возможности из рассказа уяснить себе состояние больного, и я сейчас же вместе с ним поехал в то село. Оказалось: две громадные раны на черепе более полутора вершка каждая. При исследовании зондом обнаружилась в глубине слухового прохода свежая кровь. На нижней части туловища сзади на довольно большом протяжении обнаженная, красная поверхность глубоких слоев кожи. Были ясные признаки трещины на основании черепа и вероятности кровоизлияния в мозг. Быстро улетающий эфир оставлен был фельдшером в незакрытой чайной чашке.
- Лежала больная с параличом руки и ноги. Она только что начинала двигать конечностью. Прихожу в больницу. Калека, полусидя в дверях, плачет. Оказывается, провалилась под койку. Просила фельдшера освободить ее оттуда. Никакого внимания. Из расспросов больной узнал, что проваливается в третий раз, и каждый раз просит поправить. Через 15 минут кровать без всякого мастера была устроена. Нужно было только положить один поперечник.

- Около 11 часов ночи закончил операции. Их было две: операция по удалению катаракты и образованию искусственного зрачка. Накладывая повязку первой оперированной, я заметил по выражению лица, что здесь, вероятно, атропин окажет резкое действие. Некоторые организмы особенно чувствительны к тому или к другому средству. Так, например, 1-2 капли раствора атропина в глаз вызывают легкие явления отравления им. Через несколько часов они проходят, не оставляя в организме никаких вредных последствий. Когда я окончил вторую операцию, у первой больной явились галлюцинации. Она могла рукой толкнуть оперированный глаз и все погубить. Нужен был тщательный надзор. Положили пузырь со льдом на голову. Я попросил фельдшеров наблюдать за больной по очереди, и чтобы сиделки по очереди безотлучно дежурили при ней. Объяснил им необходимость строгого присмотра. Они уверяли, что все исполнят, чтобы я не беспокоился. Через час прихожу в больницу. Фельдшер спит в коридоре, сиделка – в палате. Оперированная производит бесцельные движения руками в воздухе, и пузырь на голове теплый... Положиться не на кого было. Я пробыл при больной всю ночь. Около 8 часов утра все явления закончились, скоро начиналась работа, о сне думать не приходилось до ночи.
- Приняли больную с органическим пороком сердца. Сильно опухшая, с затрудненным дыханием, с грозными явлениями резкого расстройства деятельности сердца. Назначаю дигиталис по ложке через 3/4 часа и инъекции кофеина. Прихожу через три часа прямо к ней в палату. Задыхается. Спрашиваю её сколько раз давали лекарство? «Ни единожды. Помоги, Христа ради!». Посылаю за фельдшером. Идет... Швыряет его от одной стены к другой. С трудом можно разобрать, что хочет сказать.
- Вновь прибывший фельдшер готовит порошки. В них одной из составных частей был морфий по 1/8 грана²⁶. На 8 порошков он взял 10 гран морфия!

²⁶ В России до введения метрических мер в аптекарском деле применялась Нюрнбергская система весов. Основная единица - аптекарский фунт. В фунте 12 унций, в 1 унции 8 драхм, в 1 драхме 3 скрупула, в 1 скрупуле 20 гранов – прим. Т.Ф.

Доза для среднего организма - смертельная. Командируя его, Управа, между прочим, добавила: « - жалованья 17 рублей ». (Ведь это на своих харчах).

- Назначаю одной больной героин по 1/12 грана два раза в день. Через некоторое время прихожу в больницу и вижу фельдшера, готовящегося дать больной лекарство. Спрашиваю, что он дает?
– «Героин» – «В какой дозе?» – «Два грана». В 24 раза больше! Переспрашиваю, думаю, что ослышался. Ответ тот же: «Два грана». Доза смертельная.
- В одиннадцатом часу ночи перед уходом домой решил посмотреть палаты. Вошедши в одну из них, я увидел, что половина пола мокрая, местами растоптанный кал, ночной горшок наполнен экскрементами. Здесь лежал алкоголик. Часа за два перед тем фельдшер измерял у него температуру. Я сказал сиделке сейчас же все убрать, а фельдшеру - чтобы потом проверил. Пришедши через полчаса опять в больницу, спрашиваю фельдшера: хорошо ли убрано? Ответ положительный. Пошел посмотреть. Пол в том же виде. Горшок, правда, пуст, но стенки покрыты толстым слоем кала.
- Девочка лет шести-семи нуждалась в операции под хлороформом (вследствие заражения зрачка требовалось сделать искусственный для прохождения в глаз лучей света). На помощь второго врача мне нечего было рассчитывать, так как Управа, как я сказал выше, в последнее время оставляла даже без ответа мои просьбы о нем. Пришлось поручить ведение наркоза фельдшеру. В таких случаях операция была для меня пыткой. Сосредоточиться на главной цели не представлялось возможным. Внимание постоянно отвлекается тревогой за деятельность сердца, за дыхание. Упала деятельность – приходится снимать инструменты, закрывать глаз, принимать те или другие меры, пока организм не приходит в норму. (Фельдшер этого делать не умел.) Затем надо мыть руки, вводить снова инструменты в глаз и продолжать дей-

ствия. Явилось затруднение дыхания - опять снимать, освобождать дыхание, опять мыть руки и т.д. Вследствие этого затягивается и наркоз, и операция. И создаются условия, благоприятствующие внесению в глаз инфекции. В данном случае медицинское вмешательство предстояло непродолжительным. В ходе его я постоянно спрашивал о пульсе, о дыхании. Закончил. Начинаю накладывать повязку. – «Как пульс?» - спрашиваю.

–«Хорош», – уверенно отвечает фельдшер. Что-то как будто толкнуло меня к руке девочки. Щупаю пульс. Нет его. Дыхание? Нет и дыхания. Жизнь уходила. Всё нужное в таких случаях было приготовлено заранее. Немедленно применены были меры, которые могли вернуть жизнь, если она не совсем ушла. Жизнь вернулась.

- Один случай помню чрезвычайно тяжелый. Требовалось удаление глаза старику лет шестидесяти
- Половина операции была сделана. Вдруг слышу тревожный голос: «Пульса нет»²⁷. Оставляю операцию, смотрю, лицо больного синее. Искусственное дыхание, электричество, соляной раствор...– все, что можно было применить, было применено. Долго продолжалось тревожное ожидание. Удастся или нет? Оживет или умрет? Наконец-то, под пальцем чуть дрогнула пульсовая волна.

Вот факты. Вот мои помощники. С ними мне пришлось работать в новой больнице. И в то именно время, когда условия работы и с моральной стороны, и в смысле затраты физических сил были чрезвычайно тяжелы. А тут ещё на мне лежала вся финансовая отчетность. Приходилось напрягать все силы, чтобы, не смотря на все искания и домогательства Управы, сохранить незапятнанной свою служебную репутацию.

На заседании санитарного Совета я обозначил два вопроса. Первый: имели ли председатель Управы основание заявлять о неисполнении мною требований

²⁷ Исчезновение пульса было замечено присутствовавшим при операции больным. Если бы не он, то оперируемый умер бы, так как едва, едва удалось вызвать дыхание и пульс после долгого применения разных мер. Это тот больной крестьянин, о котором я вскользь упомянул выше.

Управы? Второй: при условиях, в которые была поставлена моя деятельность, могли ли говорить о моей неисправности, раз предъявленные мне требования исполнить было невозможно?

По обоим вопросам я хотел говорить, когда мне предложено было дать объяснение. Начал со второго вопроса, но почти сразу был остановлен председателем санитарного Совета. Он находил, что я говорю не по сути, и предложил мне вместо пространного объяснения дать короткий ответ: «Ну, скажите, что не имели времени». Я отказался ограничиться таким коротким ответом, так как он ничего не раскрывал. Мне хотелось дать убедительное разъяснение, которое вместе с тем показало бы, какой жизнью жила Ухоловская больница.

Я просил выслушать меня и начал излагать факты, описанные выше, но властью председателя санитарного Совета был лишен права слова. Мне указали на необходимость доставления отчета за 4 месяца текущего года в самом скором времени. Я в свою очередь указал на необходимость дать мне еще фельдшера. Спросили, какие имеются для этого основания? Я стал продолжать изложение фактов, но вторично был остановлен. А как необходимо было выслушать меня! Быть может, было бы предупреждено тогда многое из того, что нанесло большой урон больным²⁸.

Будучи лишен права слова в этом заседании, я не мог дать свой отзыв по заявлению председателя Управы о несоблюдении мною формы отчетности за 1906 год и недоставлении мною отчетности за четыре месяца 1907 года. Дам его здесь в обстоятельном ответе. Имел ли председатель Управы основание делать своё заявление о неисполнении мною требований его ведомства? Нет, не имел. Потому что новое требование к составлению финансовых документов ко мне не поступало. Вернее, оно пришло лишь весной 1907 года, когда отчет 1906 года был уже подготовлен и послан, как это делалось раньше. Отчетность доставлялась мною вот как.

²⁸ Я еще в земском Собрании 1906 года хотел прочитать свой доклад "Отчет о деятельности 3-го медицинского участка за 1905 год, первую половину 1906 года. Ухоловская больница и амбулатория. Отрицательные стороны и ненормальные явления в ходе их жизни". Это был настоящий исторический очерк о деятельности глазной лечебницы. Председатель санитарного Совета был против чтения моего доклада в Собрании. «Управа, может быть, не подготовлена дать свое заключение по докладу, так как он не был предварительно прислан ей для рассмотрения», – сказал он. Управа немедленно заявила, что она «не подготовлена». О нуждах больных и там не пришлось сказать.

Год	За какое время отчётность	Время отправления	№ отправления
1900	с января до декабря за декабрь	7 декабря 6 февраля	152 15 и 12
1901	за январь февраль и март апрель с мая до октября за октябрь за ноябрь и декабрь	6 февраля 8 апреля 2 мая 4 октября 3 ноября 31 декабря	16 32 и 34 47 и 48 95 111 130
1902	за январь, февраль и март с апреля до августа за август -сентябрь октябрь и ноябрь декабрь	17 апреля 12 августа 18 сентября 28 сентября 26 декабря -	52 83 110 113 135 136
1903	с января до июля за июль-август - сентябрь октябрь, ноябрь и декабрь	7 июля 19 сентября 8 октября 10 января 1904 года	79 и 80 125 130 11 и 12
1904	с января до декабря за октябрь, ноябрь и декабрь	26 сентября 21 января 1905 года	69 18 и 19
1905	за весь год	12 апреля 1906 года	32 и 35
1906	за январь, февраль и март апрель и май июнь июль и август сентябрь октябрь, ноябрь и декабрь	28 апреля 3 июня 16 июля 9 сентября 10 октября 19 января 1907 года	48 71 86 109 127 8 и 9

Так в течение семи лет шло доставление мною отчетности, и Управа никогда не говорила мне о неправильности такого доставления.

Угроза закрытия глазной лечебницы

Возбуждение председателем Управы вопроса об ограничении глазной помощи было неожиданным выступлением против меня в санитарном Совете. Об этом ограничении, очевидно, думали очень серьезно. Еще месяца за два до заседания председатель Управы распорядился, чтобы для глазных больных отдавалось не более трёх коек, что таково постановление комиссии. Узнавши, о какой комиссии говорит председатель, я ответил: то было частное совещание относительно Ухоловской больницы. Но, если бы это было и официальным постановлением, то все равно оно не имело бы силу. Ни комиссия, ни Управа не могут принять такое решение. Это подлежит компетенции земского Собрания.

Я отказался исполнить распоряжение председателя как словесное ввиду возможности ответственности и просил прислать его в форме служебной бумаги. Не прислали. Вскоре после этого председатель и внёс в заседание санитарного Совета предложение ограничить приём глазных в больницу тремя койками. Его поддерживал председатель санитарного Совета. Я попросил объяснить, чем вызывается такое решение, чем оно сопровождается? Оказалось, в основе лежит жалоба старшины²⁹, который сетовал на то, что приём глазных больных ведётся в ущерб всем остальным. В своё время эта жалоба старшины была отвергнута земским Собранием как неподтвержденная. И вот, потерявшая всякую ценность, явилась в заседание санитарного Совета фундаментом для разрушения того, что прочно установилось в доверии населения и обслуживало его насущные вопросы.

Кроме жалобы председатель обосновывал свое предложение протоколом ревизии Ухоловской больницы, произведенной врачом-инспектором, в котором было сказано, что глазная специальность, бесспорно, желательная, может нанести урон другим больным. Вот, чем объясняли предложение об ограничении глазной помощи.

Были ли в распоряжении председателя Управы еще какие-нибудь данные по этому вопросу? Были и притом вполне точные, взятые из жизни. В начале сентября 1906 года Управа затребовала у меня для представления земскому Собранию сведения о числе глазных больных, находившихся в Ухоловской больнице за восемь месяцев того же года, и о числе проведенных ими дней. В отдельности запрашивались такие же сведения о подопечных с другими недугами. Все необходимые документы были мною доставлены Управе 10 сентября. Они противоречили соответствующим данным жалобы старшины. Противоречили им и сведения, лично полученные Управой во время ревизии ею больницы, то есть то, что Управа видела сама. Да и земское собрание отвергло жалобу.

²⁹ Старшина -выборное старшее должностное лицо волости, административной единицы крестьянского самоуправления в Российской империи. – прим.Т.Ф.

И всё-таки она была взята как основание для внесенного предложения. Очевидно, что такая причина не могла быть действительной. Не мог быть таким и другой аргумент председателя Управы – протокол врачебного инспектора. Он относился к тому времени, когда в Ухоловском участке был один врач, а предложение председателя внесено было, когда работали уже два врача.

Чем вызывалось ограничение глазного отделения? Заботой о нуждах населения? Я думаю, что забота об этих нуждах оказалась бы полезнее не в ограничении тремя койками глазной помощи, а в расширении хотя бы на три койки помощи для общих больных. Размеры больницы допускали и большее расширение. Затрата средств на создание дополнительных мест весьма небольшая: три койки, три халата, по три одеяла, зимних и летних, туфли и постельное белье. Вот и вся затрата. Но ведь она на несколько лет. Это было бы действительной заботой о нуждах населения.

В том заседании я высказался, что ограничение принесёт только вред, что вопрос этот нужно представить на усмотрение врача. Ему лучше знать, кого из больных принять. Если разделить койки и назначить, например, три для глазных, то возможно следующее. Допустим, что одна из них свободна, а все остальные заняты. Является больной с острым воспалением легких. И я ему должен отказать? Потому что свободная койка только глазная, и «неглазному» я не могу её дать. Или все три глазные заняты, две неглазные свободны. Является больной, у которого на одном глазу зрение навсегда потеряно, на другом – та форма глаукомы, при которой требуется немедленная операция, иначе совсем ослепнет. Хотя две койки свободны, но они не для глазных, и больной не может быть принят. Придется сказать ему: «Есть место, да принять нельзя, иди и слепни»? Такая постановка ненормальна.

Похоже, члены Совета вняли моим объяснениям. При голосовании за предложение председателя Управы был лишь председатель санитарного Совета, а восемь участников заседания были против.

Черный год

С начала 1907 года Управа ввела новый порядок оплаты расходов и предоставления отчетности. Но сообщила она мне об этом с большим опозданием лишь в мае, а не в конце предыдущего года. В присланном документе говорилось: «По заведенному Управою для агентов Земства обязательному порядку все мелкие расходы по больнице, а равно и удовлетворение жалованьем прислуги должны производиться врачом из получаемого им из Управы ежемесячного аванса, в котором врач также ежемесячно должен отчитываться пред Управою представлением авансового счёта с приложением оправдательных документов". По предоставлению отчета обещалась немедленная высылка аванса.

Так значилось на бумаге. В действительности было не так. Я отослал отчет в израсходовании аванса и просил о высылке нового. Таковой был выслан мне не «немедленно», а через полтора месяца. Уж это одно исключает возможность правильного предоставления отчетности.

Далее. Заведенный Управою в мае обязательный порядок для агентов земства обязывал платить жалованье прислуге из аванса. А в августе вдруг Управа заявила, что он выдается только для хозяйственных расходов, а для жалованья прислуге нужно высылать требовательные ведомости. Дескать, об этом неоднократно³⁰ сообщалось, как и о неотложном исполнении данного положения. Это было сказано в начале августа, а в конце месяца пришло распоряжение уплатить жалованье сторожу из аванса. Так и остался для меня неясным порядок расчета по расходам.

До июня 1906 года порядок был таков: я сам расходовал деньги как по выдаче жалованья, так и по закупкам для больницы. Если не хватало казенных средств, вкладывал свои, которые мне всегда возмещали после произведенного в конце каждого месяца расчета. Никогда никаких недоразумений не было. С июня 1906 года вследствие отказа в возврате мне 38 рублей 90 копеек я воздержался от расходования своих денег, а направлял удостоверенные мною счета

³⁰ Я не получал извещения об отмене «заведенного» порядка и о введении «установившегося»; о требовательных ведомостях ничего не знал; ни до этого, ни после этого не получал формы их, и до сих пор не знаю что это за ведомости.

прямым в Управу, чтобы она сама высылала деньги почтой непосредственно тому или другому поставщику. Так же шла уплата жалованья прислуге. Такой порядок действовал более 11 месяцев.

Если задерживали высылку денег, то поставщики ехали в Рязск и получали лично. Но задержки стали продолжительными, и в Управу двинулись все, даже мелкие кредиторы земства: прачка, молочница, сторожа... Тогда в мае 1907 года Управа вспомнила о «заведенном ею порядке» и обрушилась на меня, заявивши санитарному Совету, что я его нарушаю. Мне запретили удостоверить счета. А перед этим наоборот строго требовали. Прислали, например, счета прачки и поставщика черного хлеба с тем, чтобы я, удостоверивши их личной подписью, выслал обратно. При этом было добавлено, чтоб я и на будущее время поступал так же.

Теперь по новому для меня порядку для расплаты по закупкам больницы и уплаты жалованья я должен был получать от Управы аванс. Но аванс мне не высылали. А между тем поставщики и прислуга не получали денег уже несколько месяцев. В мае 1907 года в Управу приехал поставщик черного хлеба для больницы за получением денег. Ему отказали, сказали, что земские деньги есть у меня, и я должен ему их выдать. Мне в тот же день написали, чтобы я оплатил счета, что у меня на руках остаток от прошлого 1906 года сто рублей, высланных Управой в ноябре 1906 года, да еще сборы с больных в текущем году. Бумага была подписана председателем Управы. Но ведь только накануне в заседании санитарного совета я отчитался, что прошлогодний денежный остаток был израсходован в январе, что в январе я сообщал об этом. К тому же в упомянутом ноябре никакого аванса не получал. И его, конечно, не высылали. Сборы с больных никогда не покрывали расходов по больнице. Вот данные для оценки той бумаги.

Может, думал я, Управа отказывает в уплате по счетам и в выдаче жалованья прислуге, потому что не получала от меня за четыре месяца отчетности? Тогда зачем же она высылает мне жалованье без всякого с моей стороны заяв-

ления? Врачу высылает, а кухарке, сторожам, сиделкам отказывает? Если я виноват, то зачем их наказывать? Но в чем я виноват?

Положение было очень тяжелое: денег не выделяли, счета удостоверить запретили, а ко мне постоянно являются за деньгами молочница, прачка, поставщик черного хлеба, кухарка...

Ведомости о больных за четыре месяца, которые от меня требовали, отправлены. Прошу выслать жалованье прислуге. Не высылают. Пишут, что можете получить на это аванс из Управы. Аванс не шлют. Наконец, вся отчетность за пять месяцев отправлена. Прошу о возврате мне денег: 55 рублей 15 копеек, затраченных мною на расходы по больнице из личных средств. Я не хотел тратить свои (причину сказал выше), но в некоторых случаях нужда была так велика, что нельзя было отвернуться нее.

Помню, приходит прачка (уже который раз) просить денег. Говорю ей, что Управа не прислала еще. Начинает плакать, говорит, что семью кормит стиркой: «Вчера дети не ужинали, утром пошли школу не евши»...

Отец отдал сына в сторожа при больнице, а он несколько месяцев не получает жалованья! Отец не раз приходил просить его. Живет он за семнадцать верст. В базарный день опять является, надо муки купить. Узнает, что деньги не присланы. Старик вне себя: – Сына отдал к вам сюда, чтобы кормил нас. Не отдал бы, да нужда. Чего же есть теперь? За мукой приехал, думал деньги пришли. Дай, Христа ради, своих, хоть малость!

«Еще раз позволяю себе сказать о необходимости немедленного удовлетворения земских кредиторов Ухоловской больницы», – писал я в Управу в начале июля. За июнь отчетность вся отослана, а денег все нет. Ведь Управа, думал я, может этим восстановить против меня поставщиков и больничную прислугу. А, поставивши меня в условия, лишаящие возможности выполнять запросы больных, может возбудить и их.

Постоянная ходьба за деньгами то одного, то другого продолжалась. Сторож не стал работать, ушел. 22 рубля жалованья числилось у него за земством. Прислуга не получала полгода. Поставщики ждали уплаты по счетам до восьми

месяцев. Атмосфера стала в высшей степени напряженной, тревожной. Явилось раздражение против меня. Начали говорить, что Управа - то высылают, да вот доктор-то... Снова пишу в Управу: «Тяжелое положение создается вследствие неуплаты долгов по Ухоловской больнице. Недовольство не получающих деньги сменилось раздражением, заметно усиливающимся. И трудно сказать, как оно разрешится в каждом отдельном случае».

Сложившаяся ситуация разрешилась крайне тяжелым случаем. Поставщик черного хлеба, имевший за земством около сорока рублей, много раз являлся ко мне, спрашивая: присланы ли из Управы деньги? Ответ каждый раз был отрицательный. Не раз просил он меня удостоверить его счет, чтобы ехать в Управу за оплатой. Я отвечал, что теперь мне это запрещено. В последний раз он явился и, узнавши, что деньги не присланы, заметно изменился в лице. Выражение то растерянности, то возбуждения сменялись одно за другим. Он говорил, что не знает, как теперь быть ему? Муку все это время брал в долг, обещая расплатиться, как только пришлют средства. Купцы стали было отказывать в муке. Он божился, что деньги вот - вот пришлют. Ему верили, давали. Но время шло, а денег не присылали. Верить перестали. Отказали в отпуске муки. Говорил он, что у него шесть человек детей, что печенье хлеба – единственный заработок, которым он кормит семью. Теперь ее нечем кормить. Он возвышал голос, говоря, что больше не будет давать хлеб для больницы, если ему не вернут теперь же денег. Но возбуждение быстро спадало. Угроза сменялась просьбой не покупать хлеб у других, а брать у него. Вот только бы муки достать ему. И он снова усиленно просил меня удостоверить его счет, чтобы съездить за оплатой в Управу. Вместе с тем просил меня дать ему сколько-нибудь из моих денег. Вечером он хотел принести мне счет для удостоверительной подписи. Но не пришёл. Утром в стоявшем среди села пустом срубе он был найден повесившимся.

Сторож больничной, имевший за земством 22 рубля, не захотел служить и ушел, о чем я уже писал Управе. Ожидалось оставление службы одной из женской прислуги.

– О настроении других определенно сказать не могу, – писал я начальству, – некоторые из поставщиков решили предъявить иски, если не будут в самом скором времени удовлетворены. О вышеизложенном имею честь довести до сведения Управы.

Тут только приехал член Управы для расплаты с кредиторами земства: кухаркой, сиделками, молочницей и проч. В той расплате можно кое - что отметить. По смете прислуге назначено 5 рублей в месяц жалованья. Я платил им так: 6 месяцев по 4 рубля, а 6 месяцев по 6 рублей. Член Управы по рублю в месяц не отдал им, потому что в смете стоит 5 рублей, а не 6 рублей, хотя я ему и объяснял. Затем еще он не отдал по дополнительному рублю в месяц, обещанному мною прислуге за то, что они по очереди исполняли обязанность сторожа. Управа не платила ему жалованья, и потому он ушел, не получивши заданных 22 рубля. Врача, заведующего лечебницей, не следует ставить в такое положение пред прислугой в интересах самого больничного дела. Деньги те я, конечно, им отдал и подробно обозначил в ведомостях расхода.

Со своей существенной, жизненной стороны деятельность моя не могла дать ничего, что благоприятствовало бы домогательствам Управы. В несущественном, мелочном, чисто формальном, конечно, могли встретиться упущения. И мне пришлось на всём этом теперь особенно сосредоточиться в ущерб главному. Время, которое прежде отдавалось лечению людей, теперь затрачивалось на формальные мелочи. Этим наносился ущерб жизненной стороне дела, сущности его, то есть больным, интересы которых сильно от этого страдали. То, о чем прежде я так мало беспокоился, что считал вовсе несущественным, теперь начинало больше и больше отвлекать моё внимание, все сильнее волновать и в конце концов стало главной заботой.

Прежде на первом месте были люди, нуждающиеся в моей помощи, и исполнялось сначала то, что нужно было по отношению к ним исполнить. А потом уже рассматривались другие обязанности. Теперь занятия с больными все больше и больше отдалялись и стали на последнем месте.

Сущность ушла далеко-далеко назад. Ее место заняла всесильная форма. К ней предъявлялись все требования.

Я полагал, что с переходом в построенную больницу буду более полезен населению. Новая обстановка давала возможность делать для больных то, о чем в прежней и мечтать нельзя было. И мог ли я думать, что жизнь того, что на моих глазах и на моих руках росло, станет угасать тогда именно, когда для нее даны лучшие условия? И там именно, где не для смерти место, а для жизни!? Мог ли думать, что эта жизнь станет гибнуть от рук тех, кто призван был охранять её? А между тем она и стала гибнуть под ударами, которые наносили ей те руки. Удары предназначались мне. Но ведь та жизнь мной жила. И они, обессиленная меня, губили ее.

Тяжелый удар нанесен был мне в 1907 году. Я всегда работал в больнице с двумя помощниками. А в январе получил распоряжение Управы иметь лишь одного фельдшера. Он же должен был быть и смотрителем больницы, и ассистентом. Понятно, что при такой нагрузке за три первых месяца сменилось три фельдшера. И что это были за помощники!

В отчетности, в ведомостях – страшная путаница: вместо одного уезда писали другой или перемешивали фамилии, имена. Если за каким больным оставалась недоимка, то возникало целое «дело». Управа сообщала о взыскании полицейскому управлению, то давало предписание становому, становой – уряднику и т.д. Оказывалось, что или такой фамилии нет, или деревни нет. Ко мне поступал запрос, и по справке обнаруживалась путаница. После первого же такого случая пришлось тщательно проверять в ведомости каждого больного по удостовереньям личности, скорбным листам: как зовут, откуда, когда поступил и т.д. Нужно было высчитывать каждый расход, соответствует ли он смете. Управа сказала, что несоответствующий смете расход она будет вычитать у меня. Строгие правила соблюдения формальной стороны отчета заставляли и здесь работать самому, так как фельдшеры не умели написать счет, расписку с соблюдением требований.

Вследствие недоброкачества подлекарей приходилось исполнять их работу и во многом другом. Иной раз надо было заставлять при себе готовить лекарства из сильнодействующих средств, или самому делать их, а фельдшеру поручать что-нибудь полегче. Обеззараживание всего нужного для операции приходилось производить самому вследствие непонимания помощником сущности асептики. И прочее, и прочее.

Особенно затрудняло управское соблюдение формальности. Оно создавало массу работы непроизводительной, которая отрывала от того дела, где заменить меня было некому, и тем лишала возможности удовлетворять насущные запросы больных. Даже в вопросах, не требующих специальных знаний, а лишь человеческого отношения к больным, я не мог рассчитывать на своего помощника.

Например, в январе в лечебном корпусе появился сыпной тиф. Больной был выделен. В предупреждение заражения других нужно было перевести в снятое помещение и дезинфицировать больницу. Фельдшеру было сказано, чтобы прислал за мной, когда придут лошади, и без меня не выводил больных. Я не надеялся, что он позаботится усадить и укрыть людей. Кроме того, надо было взять у меня теплую одежду для их переезда. Фельдшер не прислал за мной. Оказалось, что подопечные сами разместились в санях и на морозе ждали, пока в отдельные повозки уложат постели, посуду, кровати и т.д. После этого у больной с туберкулезом легких процесс, начавший затихать, пошел сильно вперед (Строкова из деревни Глинки).

Нужно было скорей спешить с дезинфекцией корпуса, чтобы перевезти больных из плохой обстановки временного помещения назад в больницу. Но фельдшер и сам не делал что надо, и деморализовал прислугу. В течение двух суток подготовка лечебницы к дезинфекции почти не подвинулась вперед. Пришлось самому взяться за это, продержав подчиненных всю ночь на работе, безотходно быть при них. И только тогда закончили подготовку. А утром начали дезинфекцию. Этот фельдшер был уволен 31 января, а последнюю отчетную бумагу он сдал мне лишь 13 марта. Заменявший его фельдшер был исполни-

тельный, тихий, но он оказался запойным. Третий был хуже всех. Тоже пил и за несколько дней, что пробыл, все перепутал и не захотел исправлять мои указания³¹.

Я обратился с просьбой к начальнице Рязанской Общины рекомендовать мне сестру милосердия, которая могла бы исполнять фельдшерские обязанности. По её рекомендации приехала г.В. По первым её приемам я увидел, что у меня теперь опытная помощница. Явилась надежда, что насколько возможно дело будет упорядочено. Но г.В. через неделю заявила мне об отказе от места, вследствие невозможности выполнить требования Управы. Она была совершенно права. После неё приехала фельдшерица и, ознакомившись с обязанностями и условиями службы, не взяла место и на другой день уехала.

Я писал начальству, что при наличности медицинского персонала из двух лиц и при самом напряженном их труде невозможно выполнить предъявляемые Управой требования, что её распоряжения наносят сильный вред. Писал, что будущие годовые цифры посещений больных покажут громадное падение в сравнении с цифрами предыдущего года. Управа же отвечала, что в смете значится один фельдшер при Ухоловской больнице. Но и прежде в смете значился один, а у меня было два, даже три. Тогда Управа сумела найти выход, перевести остатки средств в тот или другой параграф. А тут при указании даже на вред для больных она считала невозможным дать нужную помощь.

Не раз говорил я о необходимости приглашения второго фельдшера. Опасаясь несчастного случая, я последнее послание закончил так: «Имею честь доложить Управе, что в Ухоловской больнице за последнее время были два случая отравления сильнодействующим средством.³² Хорошо, что исход оказался благополучный. Перед тем были два случая, в которых смертельный исход был бы неизбежен, если б я не пришел туда, где это должно было случиться, если бы не пришел я в тот именно момент, когда это готовилось случиться. Но я пришел случайно...».

³¹ Здесь ко мне Управа подошла опять, как к источнику земской доходности "в сумме 9руб.11коп". Земский начальник признал меня виновным в задержке выдачи удостоверенья тому фельдшеру (пять дней) для получения в Управе жалованья.

³² Случаи очень легкие.

Другого помощника мне не дали.³³

Тяжело было видеть, как разрушалось дело, бывшее уже в полном расцвете. В течение всего времени моей глазной деятельности кроме лечения слепоты я стремился и к предупреждению её. И уверенно могу сказать, что достигал того, к чему стремился. Это было такое важное жизненное дело. И вот оно рухнуло.

Я уже говорил, что больные с острыми заболеваниями глаз оставались жить в Ухолове и два раза в день являлись в больницу для применения лечения. Отняли фельдшера, а требования усилили. Вести дело как прежде оказалось невозможным. Больных уже не принимали по два раза (а по инструкции 4 раза) в неделю. Это было смертным приговором предупреждению слепоты.

В июле того же 1907 года начались ревизии Ухоловской больницы. За девять лет их было всего три, но не от Управы (управских не было ни одной). А тут за два с половиной месяца Управа произвела четыре ревизии. В первой мои ответы на вопросы ревизора проверялись им тут же, при мне у фельдшера. О фельдшере же он спрашивал кухарку, сиделок.

Земское собрание

.... 27 сентября 1907 года. Я стоял в дверях залы, где шло заседание 43-го Рязского земского Собрания. Оно должно было вынести свой приговор по заявлению председателя земской Управы о моей ненадлежащей деятельности. Он прочёл выдержку из протокола санитарного Совета, постановления с резким порицанием моей отчётности, не дававшей никакого понятия о ходе хозяйственного дела больницы. В ней говорилось, что мною не доставляются финансовые документы за весь отчётный период (то есть за 1906 год и за первые 6 месяцев 1907 г.), несмотря на все требования Управы. Призванный к ответу, я сказал.

³³ Управа в Собрании ни одним словом не обмолвилась о необходимости другого фельдшера.

– Денежная отчётность всегда доставлялась мною и доставляется в Управу. Четыре месяца назад в заседании санитарного Совета председатель Управы заявил, что я представляю отчётность в невозможном виде, даже без обозначения времени: неизвестно к какому месяцу относится тот или иной расход. Но сказанное нужно было доказать. И я попросил представить в заседание одну лишь мою бумагу без обозначения времени, какую угодно и только одну. Но таковой не оказалось. Надо полагать, что и настоящее заявление председателя Управы подобного же характера.

Ввиду такого противоречия Собрание передало вопрос в комиссию, в которой мне предложено было дать объяснения. Я заранее был почти уверен, что Управа что-либо предпримет против меня в Собрании. Не зная, что именно, взял с собой на всякий случай делопроизводство больницы и с ним явился в заседание. И комиссия убедилась, насколько соответствует действительности заявление председателя. Представленная мною исходящая книга Ухоловской больницы свидетельствовала, что все мои служебные бумаги принимаются почтовой конторой казёнными пакетами с распиской чиновника в их получении. В книге имеется графа, в которую вкратце заносится содержание бумаги. Для рассмотрения взят был годичный период: вторая половина 1906 года и первая половина 1907 года.

Доставление мною денежной отчетности доказано было с несомненностью, на что комиссия и обратила внимание председателя Управы. Тогда он сказал, что заявлял «кажется», о двух последних месяцах: июле и августе.³⁴ Но несколько членов комиссии утверждали, что заявление касалось только отчетного периода. Да ведь председатель оказался бы одинаково «прав», если бы действительно говорил только о двух последних месяцах. Денежная отчётность и за них так же была доставлена мною в Управу в сентябре 1907 года, как убедилась комиссия.

Дело с самой существенной стороны оказалось в полном порядке. Тогда председатель Управы взялся за частности, дескать «не по форме доставляется

³⁴ Эти месяцы в отчетный период не входили.

отчетность». Я объяснил, что в самом существенном все правила оформления соблюдается. Любая расходная статья поименована, стоимость обозначена, оправдательные документы представлены по каждой затрате. Несоблюдение формы выражалось лишь в том, что одну и ту же расходную статью, повторившуюся в течение месяца несколько раз, например, «керосин», нужно было по окончании месяца суммировать как по весу, так и по стоимости. Подсчитать общую стоимость освещения, канцелярии и т.д. Комиссия указала мне на необходимость соблюдать в будущем этот порядок. Но я сказал, что не могу. Предъявление ко мне таких требований представляет собой эксплуатацию труда.³⁵ Я добавил, что никого не хотел обидеть этим словом, но хотел лишь обратить внимание на условия моей работы. Управа вместо двух бывших у меня в больнице фельдшеров оставила одного. Я заявлял, что выполнить все требования по отчетности невозможно, что её составление отнимает время от больных, чем причиняется им вред. Очень необходим помощник, второй фельдшер. Доводила ли Управа мою ситуацию до сведения Собрании? Комиссия сказала, что нет.

Председатель же доказывал, что ещё фельдшера вовсе не нужно. У других участковых врачей дело такое же, не меньше, однако они успевают. А у меня даже амбулатории нет, а я все-таки не успеваю. Мне пришлось обратить внимание комиссии на то, что специально-глазная помощь для всего уезда оказывается только в Ухоловском участке. Знающий, что такое операция, а тем более такая ответственная как операция катаракты, не сказал бы того, что произнес председатель Управы. Он не должен был говорить, что у меня нет амбулатории, раз в лежащем перед ним моём отчёте в рубрике "число посещений" значится 11759. Если это не амбулатория, то что же это?

Заявление председателя Управы о недоставлении мною денежной отчетности НЕ ПОДТВЕРДИЛОСЬ. Она вся была в Управе. А если бы я не явился на заседание, то каково было бы постановление Собрании? Оно руководствовало-

³⁵ Я употребил мягкое выражение. В действительности требованиям, предъявленным к труду, и условиям, в которых он находился, соответствует другое выражение, которое я и употреблю ниже.

лось бы доверием к председателю Управы, не предполагая возможности использования им такого доверия гласных в личных целях.

Три года подряд Собрание выражало мне свою благодарность. Третий раз - в 1905 году. Прошёл год и раздался против меня голос Управы, но Собрание не усомнилось во мне. Прошёл ещё год, и вновь раздался тот же голос. У гласных могло зародиться сомнение. Но деятельность моя за последний период давала ли хоть какое-нибудь основание для этого? Знало ли Собрание, как шёл этот период, какой жизнью жила последнее время Ухоловская больница? То был поистине черный год в судьбе моей и больных, искавших у меня помощи.

В земском Собрании Управа огласила и протокол ревизии, сказав, что всё найдено в порядке, что в день проверки из лежавших в лечебнице больных глазных и неглазных было поровну. А вслед за этим вдруг прочитана была жалоба на меня старшины. В ней говорилось, что я в больницу принимаю только глазных больных, а с другими недугами не беру. На вопрос одного из гласных: «Подтверждает ли Управа данные жалобы?». Ответ был: «Да, подтверждает». Управа имела гражданское мужество отрицать только что сказанное ею в её протоколе по этому вопросу!

В жалобе также говорилось, что я лечу богатых, а с бедными не занимаюсь. Управа это опять подтвердила. А я настаивал на том, что и сказавший, и подтвердивший ни на один действительный случай указать не могут. С этой стороны мне нельзя предъявить упрёка. Я ездил к «богатым» (сохраняю выражение старшины), лишь по окончании занятий в больнице. Если за мной присылали лошадей, а я видел, что не успею окончить дела в больнице днём, то они шли и ночью, присланные лошади уезжали обратно.

Старшина должен был убедиться на самом себе. Однажды он приезжал за мной в четыре часа, я обещал быть в шесть. Но занятия в больнице затянулись до половины двенадцатого ночи, и я послал сказать, что могу быть лишь в полночь. Ведь не бросил я тогда больных и не поехал к нему – «богатому». А он человек зажиточный: и хозяйством, и торговлей занимается. Например, Ряжская земская Управа имела с ним дело по закупке ржи у него для крестьян. В

своей петиции старшина как будто соболезнует о бедных. А когда я остался около них и к нему «богатому» хотел идти уже после, то он негодовал и пожаловался земскому Собранию. Прав ли он был? По мнению Управы – прав. По прочтении той жалобы, против неё возражал гласный А.С. Ермолов. Другой гласный (депутат от духовенства) выразился даже так: «Врач, проработав в больнице до полночи, не отказывается идти к больному в полночь, – это должно вызывать похвалу, а не порицание».

На столе появилась папка с бумагами, которые Управа предложила вниманию Собрания.

- Это что такое? – спрашивают Управу.
- Жалобы на врача Виноградова.
- От кого?
- Они без подписей.
- Анонимные доносы!...

Было что – то особенное в молчаливом отказе Собрания от рассмотрения заявлений анонимов. «Неизвестные» получили достойную оценку и уже как «свободная личность» поступили обратно в пользование Управы.

В полном одиночестве

Хотя Рязское земское Собрание оправдало и поддержало меня, отношения с Управой обострились до предела. Я остался совсем один. Ни фельдшера, ни фельдшерицы, ни акушерки, ни сестры милосердия, ни смотрителя больницы... Никого! Полное одиночество. Всё на мне одном: бельё грязное, бельё чистое, лампа испортилась, стул сломался, ванна потекла, самовар распался, ложек нет, ножи грязные... Приём амбулаторных больных, осмотр лежащих в больнице, приготовление и выдача лекарств тем и другим, ведение скорбных листов, больничных ведомостей, отчётных ведомостей, подготовка к операциям, операции... Я всячески старался удержать от падения оперативную часть моей деятельности. Не буду говорить, сколько усилий потребовалось на это!

Оперировать без помощников! Кто из окулистов мог представить, что врач совсем один производит операцию по удалению слёзного мешка при наличии массы рубцовой ткани, вследствие чего всprыскивание средств делает эту операцию иногда почти бескровной.

Какую высокую степень эластичности может развить во враче земская служба! Из-за такой нагрузки приходилось амбулаторных больных принимать в 4-5 часов утра³⁶. Лежащие в больнице, не осматривались иной раз по два, по три дня.

Однажды пришёл на работу поздно вечером. Идя коридором в кабинет, я был остановлен резкими словами женщины, стоявшей в дверях палаты (не из крестьян, полуинтеллигентная): «Доктор, я весь день без лекарств! Такое отношение к больным возмутительно!» – возбужденная, она не щадила меня и резко высказывала всё, что хотела сказать. Молча выслушал я её, пошёл в аптеку. «Что же это такое? Вы даже слова не сказали и уходите» – остановила она меня. «Я иду приготовить вам лекарства. А всё, что вы сказали мне, – горькая правда». Прошло несколько минут, как я взялся за изготовление порошков. Пoслышался лёгкий стук в дверь. «Теперь поздно, доктор, я подожду до завтра». У неё был сильный, не дававший покоя, кашель, и лекарство необходимо было дать теперь же. На другой день больная эта подходит ко мне:

«Не могу ли я чем-нибудь помочь вам?». И за то время, что она была в больнице, старалась облегчить меня в том или ином. По её примеру и некоторые другие принимались помогать. Одна девушка из села Мордвиновки, очень понятливая, имела тяготение к операциям и, насколько могла, старалась быть мне полезной. Помню, день прошел за работой в больнице, ночь без сна там же за бумагами. Утром хотел делать операцию, но, окончивши подготовку к ней, был оторван другими делами в больнице же. Наступил вечер. Двое больных два дня не были осмотрены, а одна женщина три дня ждала операцию. Иду осмотреть этих двух. А они говорят мне, чтобы я шел на отдых, а с ними и завтра можно.

³⁶ Т.е. они ждали приема в течение всего дня и ночи.

Об этих подопечных вот почему я говорю. Как мало за то время люди получали от меня и ухода, и внимания, но не жаловались. Видели они, что рад бы я служить им, да отрывают меня от них. Видели, что всё время я на работе. Я искал себе помощь в Управе, чтобы дать мою помощь больным, которые, не получая её от меня в должной мере, всё равно шли ко мне.

Сколько бумаг было отправлено в Управу со словами, что больным причиняется вред! Что же Управа? Позаботилась о них? Подошла она к ним? Прислушалась к их нуждам? Неслучайно в одном из заседаний санитарного Совета у меня вырвался упрёк: «Сущность дела³⁷, жизненная его сторона Управу не интересовала и не интересуется, она не знала её и не знает, не подходила к ней и не подходит. И подойдёт ли когда?» Нужды больных Ухоловской больницы были чужды Управе, она далека была от них. Она не могла не понимать, что заставляет меня совсем одного работать, нисколько не уменьшая при этом своих требований. Для меня лично она создавала условия прямо невозможные. Это были уже не эксплуатация труда, а без преувеличения – истязание трудом. Я писал Управе, что силы моего организма надорваны, трудоспособность заметно падает. Ответа не было...

Дожидаюсь помощника, я более четырёх месяцев тянул лямку один. Сколько ночей без сна! Целый месяц спал буквально через сутки. Ночью приходилось или подготавливать всё к операциям, или сидеть за написанием отчетности. А тут приходили некоторые больные, оставшиеся за день без осмотра, и я, бросая бумаги, занимался с ними.

Никогда не забуду одну ночь. К утру я должен был составить отчётность и непременно отослать её в Управу. И я сидел в кабинете за столом, заваленном скорбными листами, удостоверениями, больничными книгами и проч. проч. Бумажное царство! Время от времени в ночной тишине раздавались стоны умирающего. Невольно останавливалась рука. Стоны звали в палату к больному. Надежды на его жизнь не было никакой, смерть ожидалась в скором времени. Но у него были сильные боли, и я мог успокоить их, мог дать облегчение в

³⁷ Это относилось исключительно к Ухоловской больнице.

последние минуты. Вспрыскивание морфия прекратило бы страдания на некоторое время. Но готового раствора не было. Надо было идти мешать лекарство, растворять его. Это отнимает много времени. А мне непременно надо было закончить составление отчетности и отослать в Управу без замедления. Это считалось там важнее всего. Поручил бы фельдшеру, но у меня не было ни одного помощника. А стоны всё звали. В этом холодном царстве цифр и букв, белья, посуды и прочих предметов разных хозяйственных наименований царила форма - мёртвый остов. А сущность - больные, их нужды, их страдания, стоны были где-то там, далеко. Там жизнь задыхалась под тяжестью разного хозяйственного хлама. Отчего управские не хотят прислушаться к этим стонам? Неужели ж среди чиновничьих людей так редко можно встретить человека?

Каким мрачным был тот период моей деятельности. И для меня, и для больных, искавших моей помощи. То был чёрный год. Что дал он мне и больным? Моральные условия службы были очень тяжелы. Предъявление требований выходило из области вероятного. Выполнение их силами одного человека представлялось невозможным. Крайнее напряжение всей нервной энергии удовлетворяло требование постольку, поскольку это оказывалось возможным при использовании всех сил организма.

Однажды, собираясь идти в лечебницу, я почувствовал, что не могу работать. У меня не было заболевания какого - либо органа, я не испытывал никакой боли, чувствовал только, что не могу работать – сил нет. Я понял, что у меня взяли всё, что можно было взять. И передо мной стоял вопрос: что же теперь? К явлениям истощения нервной энергии, упадка сил вскоре присоединилось желудочно-кишечное заболевание. К нравственной боли прибавилась физическая.

Я послал в Управу следующую бумагу: «В службе моей Ряжскому земству мне пришлось нести труд, обычно не предъявляемый к врачу или вообще к служащему. За последний год работа и условия, данные для неё, буквально превышали силы человека. Обязанности при больнице, обычно возлагаемые на трех лиц, я нёс один в течение более четырех месяцев. Труд невероятный! Я со-

общал об этом Управе, сообщал, что такая работа надорвала мои силы, расшатала здоровье. Но условия службы не изменялись. Тяжелый труд ещё более усилился к концу года. Это страшно расшатало организм. Мне нужен двухмесячный отпуск, и я прошу Управу сказать: будет ли он мне дан?».

Я уехал в Крым, пробыл там два месяца. Болезнь ухудшалась. Каждый день был днем страданий. По диагнозу профессора Остроумова моя желудочно-кишечная болезнь была на нервной почве. Пять месяцев шла она. Это была ужасная жизнь! Улучшение началось на Кавказе³⁸. На шестом месяце болезни я лишь почувствовал, что начинаю жить.

Медленно прогрессировало выздоровление. К концу второго месяца жизни в Ессентуках наступил значительный прогресс. Следовало бы еще побыть в курортах, но почти два месяца прошли сверх отпуска. Надо было ехать к месту службы. Правда, за время болезни после отпуска я отказался от жалованья³⁹. Но дальнейшим моим отсутствием некоторые могли воспользоваться, как основанием для решительных действий в отношении меня. И я вернулся, не долечившись.

Что дал тот черный год больным, тому реальному делу, которое Ряжским земством было вызвано к жизни и поручено мне, которое было уже в полном расцвете сил, удовлетворяло столь насущные запросы населения?

Первое. Уничтожение той части глазной деятельности, которая была направлена к предупреждению слепоты.

Второе. Общее понижение деятельности больницы. Насколько мог, я удержал оперативную часть глазной помощи. Вот - сравнительные цифры.

	1906 год	1907 год
Число амбулаторных глазных больных	1285	958
Число посещений глазных больных	11759	5357
Число коечных больных	110	98
Число операций и оперативных пособий	208	214

³⁸ Там также была признана нервная почва, крайнее переутомление (следствие условий данных для моей служебной деятельности) как причина болезни.

³⁹ В отказе от жалования я руководствовался следующим: в Ряжском Земстве нет постановления Собрания, дающего служащему право болеть с сохранением места и жалования. Что касается статей закона, относящихся до лиц, состоящих на казенной службе, то по заявлению председателя Управы в экстренном Ряжском законодательном Собрании в июне 1906 года таковые не обязательны для земства. Следующая выдача Управой мне жалования за время моей болезни могла носить характер снисхождения, жалости.

В глубоком, тяжелом раздумье смотрю я на эти цифры. Как много переживалось, но пока не пережилось!

На 20 февраля сего 1908-го года было назначено заседание Ряжского санитарного Совета. Мне необходимо было реабилитировать себя по тому постановлению, которое председатель Управы огласил 27 сентября 1907 года в земском Собрании о недоставлении мною отчётности.

По распоряжению Губернатора в заседании должны были рассматриваться меры к предупреждению холеры. При обсуждении проблемы состояния колодцев в деревнях я коснулся вопроса о воде в них. Председатель санитарного Совета остановил меня, говоря, что не о воде вопрос, а о срубах. Меня это крайне удивило. Я стал говорить, что трудно понять такую постановку вопроса. Но тут же был лишен слова. А когда перешли к обсуждению ситуации для самого Ряжска, то начали говорить не про одни срубы, но и про воду. Я указал на это обстоятельство и находил необходимым и для деревень обсудить вопрос о питьевой воде, но вторично председателем санитарного Совета был лишен права слова.

Имея в виду возможность лишения меня слова и в вопросе моей реабилитации, я обратился к председателю санитарного Совета со следующими словами: «Я знаю теперь свои обязанности. Как член санитарного Совета я должен молчать. А скажите, пожалуйста, имею ли я какие-нибудь права?». Это могло вызвать неблагоприятные для меня последствия, но зато я имел возможность реабилитировать себя.

Через неделю после этого заседания совершенно неожиданно у меня в квартире и в больнице был произведен тщательный политический обыск. Вначале я очень интересовался этой процедурой, так как не имел о ней никакого представления, и с любопытством следил за всем, что происходило. Но имея в виду только политическую сторону обыска, я совершенно упустил из внимания другую сторону. Всё точно упало во мне, когда с вопросом: «Что это такое?» передо мной развернули свёрток, в котором были мешочек, пелёнка и проч., в

чём умер мой ребенок. Много лет лежал тот сверток у меня в письменном столе. Я сейчас же ушёл в спальню, в дверях которой стал стражник. А мысль моя была там, в кабинете у письменного стола.

У меня было обыкновение сохранять переписку. Два ящика стола были наполнены конвертами. Там были письма моего отца, письма невесты ко мне, мои к ней, письма детей со времени поступления их в гимназию, некоторые письма знакомых, мои детские книжки. Чуть не вся жизнь моя была там. И вот берут их, читают. Точно душу твою выбросили на улицу, и проходящий мимо останавливается, рассматривает её, неосторожно трогает больные места. Все сокровенные уголки – всё на улице. И болезненно стучал в голове один вопрос: за что? За что?

«Господин исправник требует вас» – слышу я из комнаты. Иду.

В выдвинутом ящике стола я увидел маленький гробик. Давно уже стоял он там. В нем среди васильков и колосьев ржи лежал женский портрет и обручальное кольцо.

«Что у вас здесь? Отоприте». – Как будто что-то сильно меня ударило.

«Не отопру. Ломайте».

Кабинет заполнился стражниками, понятыми. Я поспешил уйти. Лёг в постель, а мысль мучительно носилась там. Все сильнее стучал вопрос: за что? Я не мог оставаться в доме. Хотелось бежать куда-нибудь. Встал, пошёл было. Находившийся тут стражник следил за мной. Я вспомнил, что никуда нельзя уходить, и снова лег. Всего охватило чувство глубокой обиды и сознание полного бессилия, невозможности выразить свой протест, негодование.

Сдержанный, отрывочный разговор в соседней комнате. Фигура стражника в дверях. Всё из головы куда - то ушло. Ни дум, ни мыслей. Какое - то оцепенение. Не знаю, как долго продолжалось такое состояние. Меня вывел из него начавшийся около меня обыск, и я ушёл в другую комнату.

Что-то особенное чувствовалось, чего раньше никогда не приходилось испытывать. Будто взяли что-то, бывшее внутри меня, лишили того, что пони-

малось мной, как чувство достоинства, присущее мне, человеку. Явилось состояние какой-то растерянности, пришибленности, приниженности.

Был одиннадцатый час ночи, когда окончился обыск, начавшийся с самого утра. Обыскано было везде: в чулане, подвале, кухне, печах, трубах, сарае, леднике.

Уехали... Никого нет. В комнатах тишина. Иду в кабинет. На полу – разные клочки. На столе, окнах - кипы бумаг, книги. Отпертые ящики письменного стола. Полурастворенные дверцы шкафа...

Зачем приходили сюда? Чем вызван был обыск? Ведь не политикой же на самом - то деле. Решительно никаких указаний на нее не могло быть. У меня никто не бывал, и я нигде не бывал. Ни общественной, ни личной жизни не было у меня. Она вся шла в больнице. Все мое время было отдано ей. Какая же тут политика!

Зачем же и кому понадобился обыск? Куда направлял свой удар инициатор его? И кто он?

Заведующий Ухоловской земской больницей
и постоянным глазным пунктом Попечительства о слепых
Врач Павел Виноградов

1908 год. Село Ухолово, Рязского уезда

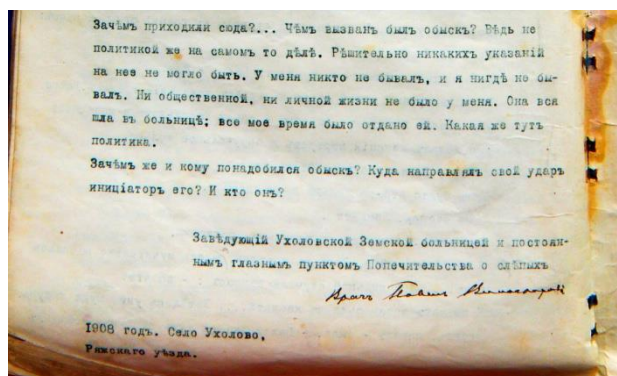

Рис. 13 Последняя страница рукописи П.М. Виноградова
ГАРО (личный фонд № Р-5632 дело №29)

ВОСПОМИНАНИЯ

ТАТЬЯНА ПАВЛОВНА ВИНОГРАДОВА, младшая дочь, ОБ ОТЦЕ

В 1896 году в селе Ухолово Рязского уезда был открыт амбулаторный пункт, врачом которого назначили моего отца П.М.Виноградова. Лечебница и общая амбулатория помещались в двух наемных зданиях. В одном из них наверху была общая амбулатория, в другой половине – четыре койки для глазных больных, внизу – квартира фельдшера. Во втором доме вверху – квартира врача, внизу размещалась общая кухня и уже за кухней – комната для трех-четырех глазных больных и для операций. Первый дом как-то был захвачен пожаром. Они в Ухолове были довольно часты. При этом пострадали люди (но не больные): был сильнейший ветер, огонь шел по земле сплошным валом, не давая подойти к дому (я видела это).

Рис.14 Здание старой больницы в Ухолове.
Сидят на завалинке П.М.Виноградов и его дети. 1903 год

Условия работы в больнице у отца в Ухолове были очень трудные. Он посвящал ей очень много времени, нередко оставаясь на службе до поздней ночи, а порой ходил и ночью. Далеко не во всех больницах был хорошо обученный фельдшерский персонал. То были люди, как правило, мало подготовленные в медицине. Запомнились некоторые эпизоды, связанные с ними. В те времена большие церковные праздники в деревне, особенно престольные, ознаменовывались разгульным пьянством населения, кончавшимся поножовщиной. К пострадавшим выезжал врач или фельдшер. Как-то отец не смог оставить оперированных больных и направил к раненному ножом крестьянину фельдшера с указанием, прислать ему с ямщиком сведения о состоянии ранен-

ного. Он получил от фельдшера записку: «Труп лежит в избе неподвижен с дыханием покойного сна».

Отец почти никогда не мог положиться на своих помощников – фельдшеров. Их обычно было один или два. Как правило, это были так называемые ротные фельдшера из солдат, получивших фельдшерскую подготовку в армии, весьма несовершенно. Это, во-первых. Во-вторых, многие из них страдали пристрастием к водке и часто являлись на службу в нетрезвом виде или с похмелья. Я помню трех хороших фельдшеров: Фрола Григорьевича (ротный), Антона Ивановича (школьный), Ивана Александровича (школьный). Была еще опытная, добропорядочная акушерка Анна Семеновна. Вот и весь специальный медицинский персонал. Не помню, на какой радиус простиралась врачебная деятельность отца, но ему часто приходилось выезжать в окрестные деревни как для оказания лечебной помощи, так и для проведения профилактических мероприятий, например, оспопрививания.

Рис.15 Оспопрививание в деревне. П.М.Виноградов справа в белом картузе делает прививку. 1903 год

Рис.16 Оспопрививание. Справа П.М.Виноградов облокотился на телегу. 1903 год

В те годы оспа была бичом Божиим, вымирили целые деревни. Ухоловский уезд эта болезнь почти не затронула. Сохранились семейные фотографии тех лет, передаваемые из поколения в поколение в роду Виноградовых: у сельского дома, покрытого соломой, большое число людей, собравшихся на оспопрививание, многие матери принесли своих малолетних детей.

Иногда отец брал нас, младших детей, с собой в эти поездки.

Рис.17-18 П.М.Виноградов и дети едут на оспопрививание

Земское Собрание лично благодарило врача Виноградова за его усердные труды земству во время компаний по оспопрививанию населения [2].

В 1899 году мои родители разошлись, и отец переехал из Мостья в Ухолово. К тому времени нас, детей, было семь человек. Отец переехал в Ухолово с четырьмя младшими. Мы все очень его любили и уважали. Я не помню, чтобы он поучал нас. Когда мы, дети, сидели за завтраком, и он входил к нам, мы все четверо вскакивали со своих мест и бросались подать ему стул - кто первый.

При нас была няня, уроженка села Мостья Пелагея Ивановна Кабанова. Она жила в доме моих родителей с восьмилетнего возраста, будучи из очень бедной семьи. Она очень любила нас, а мы ее. Мы всегда чтим ее память. Она умерла в 1918 году от испанки за день до смерти моего брата Сергея. Похоронены они в одной могиле в Рязани на Лазаревском кладбище.

Рис.19 П.М. Виноградов с младшими детьми: слева Татьяна, Михаил справа Сергей Елена

Рис.20 Няня детей Виноградовых крестьянка Пелагея Ивановна Кабанова

Мне было семь лет, когда отец заподозрил у меня, Наташи и Елены трахому и счел нужным сделать нам операцию. Она состояла в выдавливании пинцетом трахоматозных узелков на слизистой оболочке век и была крайне болезненной. Первой сделали Наташе, потом Елене. Чтобы я не слышала их криков, меня выслали во двор. Когда настала моя очередь, у отца тряслись руки – я была его любимицей, и он сказал мне: «Проси, что хочешь, только не кричи». Я подумала и кратко сказала: «Шестьдесят копеек». Мне казались они большим богатством. Спросила бы больше, да побоялась, что и такой суммы он не даст. А заработать хотелось. И заработала – не пискнула, несмотря на сильную боль. На радостях отец отвалил мне целый рубль! После операции мы, все трое, лежали с холодными примочками в одной комнате. Сестры предложили по случаю заработанного мною рубля купить на всех фунт орехов. Я согласилась. Но в то время я была скуповата, мне жалко стало тратиться на орехи и, я не то совсем не купила, не то купила только полфунта.

Рис.21-22 Глазные больные в Ухолове. П.М.Виноградов сидит второй справа. Рядом с ним слепорожденный ребенок с двухсторонней катарактой, которому он вернул зрение. Забавный случай произошел с прооперированным ребенком: на подоконнике открытого окна лежали конфеты, увидев которые после операции Никитка все съел.

Только в 1901 году, перед началом русско-японской войны, Ряжская земская управа приступила к постройке больницы в селе Ухолово. 8 августа 1905 года новая больница на 12 коек была открыта. Располагалась она на пустыре за железнодорожной линией. Средства на постройку дал местный крестьянин Семен Петрович Телелюев, с привлечением сочувствия некоторых местных лиц и своего крестьянского общества. Большое участие в строительстве принимал и П.М.Виноградов, который занимался сбором пожертвований среди Ухоловского купечества. Выстроившие три здания строители принесли их в дар Ряжскому земству с усадьбой размерами 135 десятин. Одно здание было отведено под стационар, другое - под амбулаторию, третье - под квартиры для персонала. Была также «часовня» для трупов, сарай, погреб.

Рис.23 Новая больница в Ухолове. 1913 год

Территория больницы была обнесена оградой из штакетника. Внутри ограды, на всем ее протяжении были посажены отцом деревья: 1605 штук. Из них - 1000 маленьких сосен и 105 превосходных елей, остальные: береза, вяз, клен, ясень. Кроме того, половина всех боковых сторон и вся фасадная были обсажены акатником. Несколько ягодных кустов и рассаду клубники прислали для больных частные лица. Отец обращался в Управу с предложением эксплуатировать часть усадебной земли в пользу больницы. Но её председатель отказал из опасения убытков. Отец на свой риск и независимо от Управы развел больничный огород, посадил картофель и капусту и счел своим правом доход с урожая обратить в пользу больных. Расчеты его оправдались, и эта его затея значительно улучшила рацион больных.

Перед фасадом и по боковым сторонам основного здания больницы отец разбил цветник. Ухаживали за ним он сам и я. Я поливала клумбы. Колодец был очень глубокий с примитивным устройством: не было ни насоса, ни «журавля», ни ворота. Стояло ведро с веревкой, которое от руки надо было спускать в колодец, а затем вручную же вытаскивать его. В моем возрасте это было очень трудно, но так хотелось помогать отцу в чем только можно. Когда, спустя уже больше десяти лет, в 1918 году я приехала в Ухолово, за разросшимися деревьями не было видно здания больницы.

Помимо непосредственных врачебных обязанностей отец собирал для земской статистики сведения об осадках. У нас на дворе стоял дождемер, показания которого аккуратно отмечались.

Заняв больницу, отец сразу стал заботиться о том, чтобы в ней не было гнетущей казенной обстановки. Я хорошо помню, что в коридоре на стенах висели картины, на окнах красовались цветы, стоял маленький диван с решетчатой спинкой, несколько стульев, столик с шашками, музыкальный ящик "Глория". Был барометр, детский микроскоп. Пол в коридоре был застелен ковровым линолеумом, в палатах поставлена мебель, не больничная, а употребляемая в обычных квартирах. В каждой палате – одна-две картины, одна-две тумбы с цветами. Все это было сделано на частные средства, а не на земские. Все купленное для лечебницы было занесено в больничный инвентарь. Среди окрестных помещиков отец собрал маленькую библиотечку. К 1908 году в ней насчитывалось 700 книг. Были также детские игрушки, лото.

– Раз врач имеет желание и может отдать больнице возможно более времени, то при сочувствии других лиц он может значительно улучшить жизнь больничной семьи. Судьба отрывает человека от дома, от семьи, всего ему близкого, родного, приводит в больницу, где все ему чуждо. Нет ничего, что отвлекло бы его от гнетущих мыслей. Не думаю, что кто-нибудь стал бы отрицать влияние психики, состояния нервной системы на течение многих болезней. На некоторых больных воздействие томительной больничной обстановки будет таково, что не только лечение не даст никакого результата, но болезнь значительно ухудшится. – Это выдержки из записок отца во времена, далекие от проникновения идей И.П.Павлова. Из этих выдержек видно, что лежало в основе стараний доктора Виноградова окрасить пребывание пациентов в больнице.

Вся его жизнь, вся его деятельность протекала на наших глазах, и он всегда был для нас живым примером, образцом самоотверженной работы и служебной, и общественной. Так, во время голода, поразившего в начале

90-х годов XIX века и Рязанскую губернию, он вместе с нашей бабушкой по матери, Анной Петровной Вердеревской, организовал помощь голодающим, собирая средства и открывая питательные пункты, а также оказывал другие виды поддержки. П.М.Виноградов активно занимался организацией благотворительной помощи голодающим крестьянам в 1891-1892 гг., о чем свидетельствуют адресованные ему письма, переданные в ГАРО.

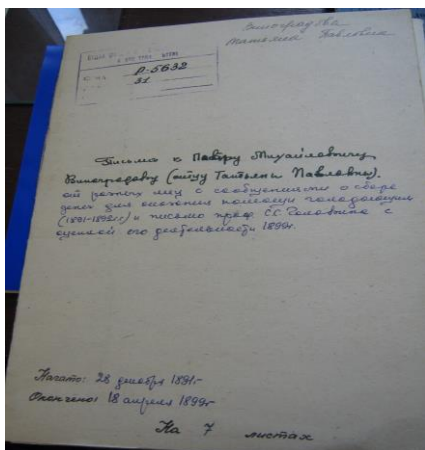

Рис.24 ГАРО
(фонд №5632 дело №28)

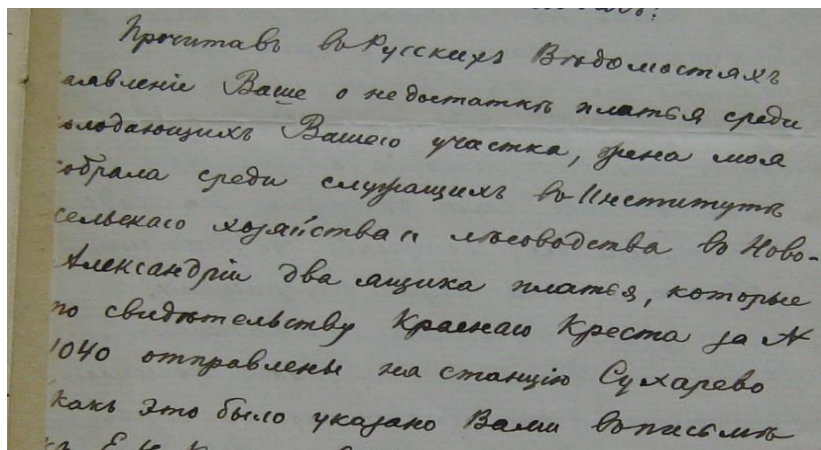

Рис.25 Письмо доцента института сельского хозяйства и лесоводства из Ново-Александрии Люблинской губернии Е.М.Васильева 1891 год

«Милостивый государь Павел Михайлович! Прочитав в «Русских Ведомостях» заявление Ваше о недостатке платья среди голодающих Вашего участка, жена моя собрала среди служащих в Институте сельского хозяйства и лесоводства в Ново-Александрии два ящика платья, которые по свидетельству Красного Креста за № 1040 отправлены на станцию Сухарево дней 5 тому назад» (Рис.25).

Наиболее эффективной формой общественного содействия оказались благотворительные столовые. Доктор Виноградов занимался организацией питания местного населения, создавая пункты продовольствия, а также изыскивал финансовые возможности для кормления лошадей. О такой его деятельности - помощи голодающим указывается в письме из Москвы от 14 февраля 1892 года.

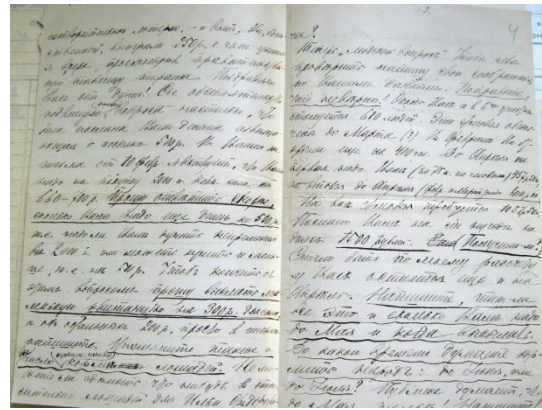
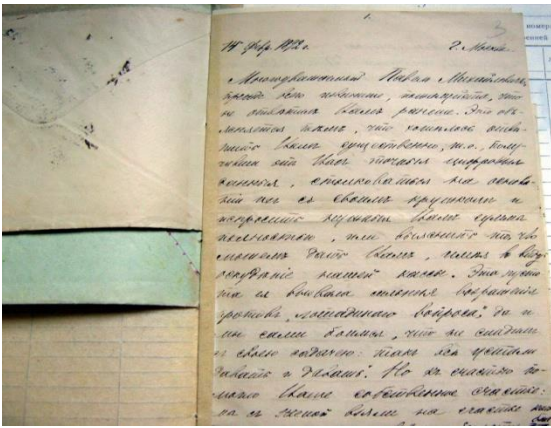

Рис.26-27 Письмо от 14 февраля 1892 года

Собирал отец средства и для помощи погорельцам разных деревень. Зная об этом, вносили и мы ему свою лепту – подаренные нам на дни рождения деньги без всякого намека с его стороны. Повторяю, он не получал нас, но с малых лет, как я себя помню, у нас, детей, было исключительно щепетильное отношение к данному в чем-нибудь слову. Нарушить слово было несмываемым позором. Исключение составлял брат Сергей (и то редко), за что мы побивали его или объявляли ему бойкот. Я в бойкоте не участвовала, мне не нравилась эта мера воздействия. Я говорю о нашем отношении к честному слову потому, что это характеризует ту атмосферу порядочности, которую создавал вокруг себя отец.

Разразилась Первая мировая война. Она застала нашу семью в Рязани. Вначале она не нарушала привычного нашего быта. Но затем всё больше стала вторгаться в жизнь, подчиняя своим интересам: открылись госпитали, быстро заполнявшиеся ранеными; нахлынули беженцы из западных губерний. Возникли новые организации, так называемые Земские и Городские союзы, которые занялись вопросами эвакуации раненных, открытием госпиталей, пунктами питания беженцев. К проблеме последних царское правительство было совершенно не готово. Новые общественные организации взяли на себя помощь беженцам в должной мере.

В 1915 году я работала в Рязанском госпитале Союза Городов (Салтыковский госпиталь, построенный и содержащийся на средства купца Салтыкова и помещавшийся на окраине Рязани в Рюминой роще).

Рис.28 Салтыковский госпиталь.
Татьяна Павловна Виноградова стоит,
прислонившись к березе. Рязань. 1915 год

В октябре-ноябре 1915 года, работая на пункте для беженцев при железнодорожной станции Рязань, передо мной развернулась картина бедственного положения прибывающих. Уже настали холода, а их везли на открытых платформах целыми семьями, с малыми детьми. Мы оказывали очень примитивную медицинскую помощь, снимали с поездов больных и отправляли их в больницы. Часть беженцев, которые по каким-либо причинам не могли двигаться дальше, оставались в Рязани. Тех, у кого не было пристанища, размещали в случайных помещениях, без удобств, прямо на полу.

К 1917 году в Рязани с отцом жили брат мой Сергей, я и наша няня. В 1918 году свирепствовала «испанка» - тяжелая форма гриппа, поражавшая особенно молодых и сопровождавшаяся высокой летальностью среди них. Унесла она почти в один день и двух близких людей, брата Сергея и няню. Это повело к окончательному распаду нашей большой семьи. Мне надо было ехать в Москву заканчивать университет.

Воспоминания священника села Ухолова Рязского уезда Василия Окаёмова

В процессе подготовки рукописи П.М.Виноградова к публикации нам встретились интересные воспоминания Ухоловского священника Василия Окаёмова, в которых подробно и ярко представлено описание жизни села Ухолова в начале двадцатого века [3].

«...Земская медицина началась в Ухолове с семидесятых годов прошедшего девятнадцатого столетия. В Ухолове не существовало никакой медицины до учреждения земства. Лечились у знахарей и знахарок заговорами, умыванием с уголька, нашептыванием. В числе средств лечения практиковались прохождение ручного медведя через больного, запекание в печке ребенка, обложенного тестом. При подобном лечении, понятно, больные иногда преждевременно умирали, а еще чаще случалось, болезнь затягивалась на многие годы. Для приема приходящих больных учрежден был медицинский пункт в составе участкового доктора и фельдшера. Первоначально медицинскому пункту уделялось мало внимания со стороны местного населения. Возбуждался однажды на уездном земском собрании вопрос о переводе медицинского пункта из Ухолово верст за 20 в село, где землевладелец предоставлял от себя бесплатно помещение для пункта. «Что скажет по этому вопросу гласный от села Ухолово?» – спрашивает председатель, – «Покорно Вас благодарим», – последовал ответ под общий смех гласных. Может быть, гласный от Ухолова, сидя вдали, не освоился с сущностью обсуждавшегося вопроса, но и невнимание гласного показательно. Пункт был перенесен в село Гаи, но вскоре само земство нашло свое постановление нецелесообразным и возвратило медицинский пункт обратно в село Ухолово.

Первый дом муж слепой; жена разбита параличом, недвижимая, совершенно лишенная способности речи; она постоянно как-то по-детски жалобно стонет. У стариков единственная дочь, пожилая девица, угрюмая, жалуемая,

что старики заели ее молодость. Этот дом был из зажиточных; второй очень бедный: избенка маленькая, семья большая, в семье умалишенная женщина, которая валялась в темном углу за дверью на соломе, как собачонка; звуков больная никаких не издавала, только глаза ее как-то особенно ярко блестели. В третьем доме много лет жила женщина с килой в боку и без посторонней помощи подняться не могла. Наконец, в четвертом доме страдал мужчина, изъеденный, должно полагать, волчанкой. При входе в его дом сразу обдавал нестерпимый гнилостный запах; но это было еще выносимо; лицо больного закрывалось; когда же для преподания причастия покрывало с лица снимали, вместо образа человеческого, зияли сплошные раны, а из них кости. Ужасно было со стороны смотреть на человеческие страдания, каково же было выносить их страдальцам многие годы.

Для приема приходящих больных учрежден был медицинский пункт в составе участкового доктора и фельдшера. Первоначально медицинскому пункту уделялось мало внимания со стороны местного населения. Возбуждался однажды на уездном земском собрании вопрос о переводе медицинского пункта из Ухолово верст за 20 в село, где землевладелец предоставлял от себя бесплатно помещение для пункта. «Что скажет по этому вопросу гласный от села Ухолово» - спрашивает председатель, - «Покорно Вас благодарим» - последовал ответ под общий смех гласных. Может быть, гласный от Ухолова, сидя вдали, не освоился с сущностью обсуждавшегося вопроса, но и невнимание гласного показательно. Пункт был перенесен в село Гаи, но вскоре само земство нашло свое постановление нецелесообразным и возвратило медицинский пункт обратно в село Ухолово.

Другая особенность отношения населения к медицине заключалась в том, что фельдшеры в Ухолове пользовались большим вниманием, чем доктора; поэтому кроме земского медицинского персонала, на селе проживали два и даже три вольнопрактикующих фельдшера и наживали себе собственные дома. Дело доходило иногда до смешного. Служил на Ухоловском пункте молодой, подвижной врач А.И.Вельмин, который без приглашения посещал эпидемических

больных. Лечит он одного купца, посещая его ежедневно утром и вечером, и узнает, что одновременно больной пользуется услугами местного вольнопрактикующего фельдшера, приглашенного к тому же для проверки правильности лечения доктора. Доктор выказывает свое неудовольствие. «Что же обижаетесь? - с недоумением возражает пациент. - Ведь А.Н. (т.е. фельдшер) одобрил ваше лечение».

Собственное здание для Ухоловской земской больницы выстроено было в 1905 году на земские средства с помощью пожертвований от местных жителей. Главным инициатором в деле построения здания больницы был С.П. Телелюев. Много трудился в этом деле и доктор Павел Михайлович Виноградов.

Как отразился в Ухолове манифест 17 октября 1905 года. Помню, первым сообщил мне о манифесте доктор П.М. Виноградов, вбежавший ко мне со словами: «Осени себя крестным знаменем, русский народ!». Порадовались мы с доктором. Вскоре доктор устроил у себя на квартире политическое собрание, на котором вместе с нами вышеупомянутыми присутствовали два передовых местных жителя: С.П. Телелюев и Т.П. Якушин, а также сын доктора – студент, только что прибывший из Москвы, где получил рану на баррикадах⁴⁰. Меня избрали председателем. Начали обсуждать вопрос: какой образ правления наиболее желателен для России? Я подал голос за конституцию, Виноградов-сын за республику, настаивая на том, что, при конституции, во главе правительства может оказаться дурак, тогда как в республике дурака ни в коем случае выбирать не станут. Якушин несмело спрашивает: «Что такое значит «конституция?»». Выяснили значение конституции и республики. Большинством голосов принята конституция; за самодержавие не подано ни одного голоса. Перешли к обсуждению вопросов о свободах. После нашего собрания поползли по селу тёмные, тревожные слухи, что у доктора в больнице по ночам собираются жида и ведут подкоп под церковь; церкви опасность грозит. Слухи разрастались и с удивлением приплетали моё имя. По вопросу о ночном собрании приезжал на сельский сход земский начальник; вызывались для допроса участники собрания

⁴⁰ Старший сын Павла Михайловича – Алексей, студент медицинского факультета ИМУ – прим.Т.Ф.

С.П.Телелюев и Т.П. Якушин (меня не потревожили); дело закончилось резолюцией земского начальника, что подобные события недопустимы».

Рис.29 Старший сын студент ИМУ Алексей Павлович Виноградов

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Записки Павла Михайловича Виноградова заканчиваются, а точнее обрываются на высокой драматической ноте. О том, как складывалась его жизнь в три последних года в Ухолове после обыска остается только догадываться. Почему так далеко зашел конфликт между ним и Ряжской управой? Почему для местного руководства он оказался человеком неуживчивым? Возможно, причинами стали его принципиальность, честность, повышенное чувство справедливости и безоглядная самоотверженность в работе. Он предъявлял к себе очень высокие моральные и профессиональные требования и спрашивал то же самое с других. А это не нравилось.

Судя по воспоминаниям прадеда, председатель Ряжской управы хотел просто избавиться от него хотя бы после увольнения своего зятя, на котором настаивал П.М.Виноградов на заседании Ряжского земского собрания, когда вступился за коллегу, в отношении которого был нарушен закон. И настоял, выставив управу в неприглядном свете. Как же простить такое своеволие? Но освободиться от неугодного доктора было большой проблемой. Его имя уже

стало широко известно и в губернии, и в столице. Земское Собрание выражало ему благодарность три года подряд.

Московская медицинская общественность была высокого мнения о врачебной работе прадеда. В государственном архиве Рязанской области (ГАРО) хранятся письма с оценкой деятельности земского врача П.М.Виноградова (ГАРО фонд № Р-5632 дело №28).

Профессор С.С. Головин из глазной клиники ИМУ, в которой стажировался молодой доктор Виноградов, 18 апреля 1899 года писал: «Спасибо Вам, дорогой Павел Михайлович, за Ваше доброе отношение. Помогли Вам, чем могли. Для нас всех было приятно видеть, как Вы с чисто юношеским задором принимались за дело. Чувствовалось, что наши указания не пропадут у Вас даром, и позвольте Вам откровенно сознаться, что таких учеников, как Вы, у нас, к сожалению, встречается мало. Дай бог Вам побольше здоровья, чтобы Вы могли с новым успехом применять на практике приобретенные сведения. Сердечно буду рад, если судьба еще раз приведет нас встретиться. Искренне Вам преданный С.С. Головин».

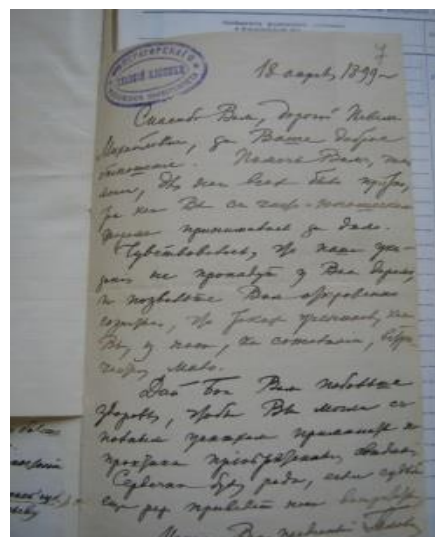
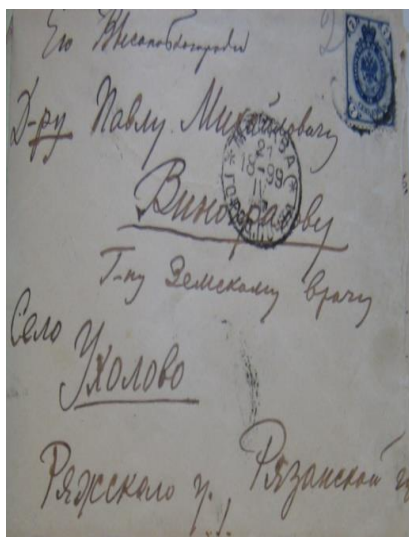

Рис.30 Профессор ИМУ врач офтальмолог С.С. Головин

В 1900 году приват-доцент глазной клиники ИМУ М.И.Авербах возглавлял работу глазного отряда врачей в Рязанской губернии. В докладе Сапожковскому земскому собранию М.И.Авербах отметил: «Рязжское земство командировало доктора П.М.Виноградова на осенне-зимний семестр 1898-

1899г.г. в глазную клинику Московского университета, а на лето 1899 года пригласило глазной отряд в село Кензино. Завершив здесь практическое образование, доктор Виноградов получил возможность получить в свое заведывание маленькую больничку на семь коек. Нынешним летом я с удовлетворением смог убедиться, что работа доктора Виноградова идет очень успешно. Пройдет несколько лет, и без сомнения обнаружится, что Ухоловская больничка вполне удовлетворяет потребность своего района в глазной помощи» - из отчёта 36-го очередного Сапожковского земского собрания Рязанской губернии в октябре 1900 года (ГАРО фонд № Р-5632 дело №28).

В краеведческом отделе Рязанской областной библиотеки им.Горького есть журнальные статьи, в которых приведены показатели работы Ухоловской глазной лечебницы [4]. За восемь лет её существования прием больных вырос в 27 раз! Это огромная работа на врачебном участке для того времени, о тяжести которой можно судить как по количеству принятых пациентов (427 в 1899 году и 11759 в 1906 году), так и по количеству проделанных операций (47 против 208 соответственно).

Увольнение такого доктора могло вызвать скандал в медицинских кругах и недовольство жителей села Ухолова, многим из которых П.М. Виноградов спас жизнь, уберег от слепоты, вернул зрение, радость видеть мир. Не только Ухолово, но и весь Ряжский уезд прибегал к его глазным услугам, а позже потянулись и жители своей губернии и соседних. Тогда управа решила просто изжить его, выдвинуть из этих мест, создавая невыносимые условия для работы. Его попросту засадили за бумажные отчеты, предъявляя всё большие излишние требования, принуждали заниматься крючкотворством в ущерб прямым обязанностям – лечению больных. Топили в ревизиях и разбирательствах, заставляя страдать жителей, на помощь которым у врача не оставалось времени. На все же просьбы доктора Виноградова посодействовать больнице, прислать дополнительно фельдшера чиновники отмалчивались. Не хотели принимать во внимание, что прадед был единственным окулистом во всём уезде.

Когда же не доставало и этих мер воздействия на неугодного доктора, в управе, наверное, вспомнили, что у Павла Михайловича в Москве сын – революционер и решили устроить обыск в доме отца, чтобы вконец сломить дух непокорного врача. И остается вопрос: почему Земское собрание не вступилось за него до конца? Ведь на своём заседании оно отвергло все претензии к нему управы, поддержало добрыми словами. Но дальше этого, похоже, дело не пошло. Теперь остается только гадать.. Но вот интересно письмо поддержки, которое пришло к нему от некоего М. Рудницкого 31 января 1909 года: «Слышал я, что Вы остались в Ухолове, весьма, весьма рад за несчастное население Рязжского уезда и ближайших - есть для него полезный врач. Дай Вам Бог подольше послужить при лучших отношениях с Управой. Вероятно, стыдно стало самоуправцам отпустить Вас с пункта, Вами рожденного. Ведь это Ваше детище».

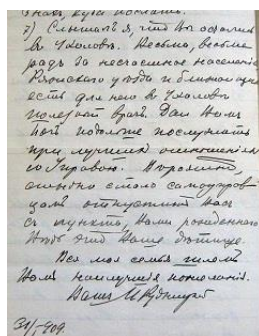

Рис.31 Фрагмент письма от 31 января 1909 года

Цитата из письма С.П. Шульгина от 1909 года: «От своего отца рязанского врача психиатра П.В. Шульгина я слышал хороший отзыв о Павле Михайловиче Виноградове «как об опытном земском враче». До приезда в Рязань в 1910 году, будучи земским врачом Рязжского уезда Ухоловского участка, он в то же самое время в течение двенадцати лет обслуживал глазных больных всего уезда».

Из воспоминаний современников известно, что в 1910 году, год спустя после этого письма, Павел Михайлович всё-таки оставил Ухолово и перебрался в Рязань, где продолжил свою врачебную деятельность. Дочь Татьяна Павловна вспоминает: «Как врач, особенно как окулист, отец был очень популярен в округе и не только среди местного населения, так как к нему приезжали боль-

ные и из соседних губерний. В некоторых случаях состоятельные больные становились его постоянными пациентами, побывав до него у столичных знаменитостей».

Правнучка Татьяна Федичкина

Источники

1. Обзор деятельности Общества Рязанских врачей за время его существования в 1874 – 1908 гг. <http://www.history.ryazan.ru/node/6827>
2. Земский ежегодник за 1884 год. С-Петербург, 1887 год, стр. 242.
3. «Очерки истории села Ухолово» Записки священника Василия Окаёмова. Рязань. – 2007 г., 240 стр.
4. Журнал «Врачебные хроники» 1908 № 1; «Врачебно - санитарные хроники Рязанской губернии», 1908, год № 2.

Материалы и исследования по рязанскому краеведению

Том 86

Записки земского врача П.М. Виноградова

Н/К

Подписано в печать 20.11.2023 г. Формат 84x108^{1/16}.

Объем 16,50 усл. печ. л. Тираж 100 экз.

Заказ №1808. Цена договорная.

Издательство ОГБУ ДПО «Рязанский институт развития образования».

390023, г. Рязань, ул. Урицкого, д. 2а.

Отпечатано в научно-методическом отделе
ОГБУ ДПО «Рязанский институт развития образования».

390023, г. Рязань, ул. Урицкого, д. 2а.

Тел.: (4912) 44-54-87 (АТС), доб. 1-58.

(4912) 95-59-30

